

Журнал «Рец»

№ 62, март 2010

Поэмы

Выпускающий редактор:
Павел Гольдин

Содержание

Вера Сажина	3
Вадим Типограф	14
Никита Иванов	28
Александр Авербух	32
Василий Чепелев	35
Лидия Чередеева	40
Максим Гликин	47
Олесь Барлиг	51
Фаина Гримберг	58
Тимофей Дунченко	66

©2010

Выпускающий редактор: Павел Гольдин

Верстка: Ирина Максимова

Координатор проекта: Павел Настин

Все права принадлежат авторам опубликованных материалов

Все материалы опубликованы с личного согласия авторов

Среди источников биографических сведений и фотографий —
материалы www.litkarta.ru , www.vavilon.ru

Вера Сажина

Поэт, художник и певица. Окончила психологический факультет МГУ, много лет работала в больнице. С середины 80-х выступает в авангардных музыкальных проектах, с начала девяностых участвует в выставках современного искусства. В 2003 году издала книгу стихов «По обе стороны невода». Последние годы выступает, сочетая авангардный вокал с чтением стихов и собственными песнями под баян.

Сон

Мне снилось
опять
пришли
люди крокодилы,
Там все
Мы шли
с Г.
(по дороге)
ночью
швыряли
предметики,
что то
звенело, переливалось
Увидели яму
там много еды
вещей
медная кастрюлька,
[(выбрось!)]
с ручкой
длинной
Я сказала:
«Не надо родника»
там люди
придут
Ехали на
поезде

3

в обратную
сторону
4. Мы подошли
к какому то
(складу)
складу
[съезди на склад]
5. Я сказала
руководит?
Мне что-то
страшно,
Может
спрячемся
у выхода
вдаль не
пойдём
6 Раздался
шум
7. Я спряталась
в сундук
На дно
8. Мы сначала
сидели
Они спросили
«Как тебя
зовут»
Ну, Лиля.
Они потом

- что то ели
 все
 они шепнули
 не надо есть
 их пицу.
10. Они все
 стали
 как то засыпать
11. Яйцо вкрутую
 (чищенное)
 Я оставила
 в руке
 И воду
 Я кажется
 Не пила
 (минеральную)
12. Я снова
 быстро побежала
 И легла в
 сундук
 Там уже
 кто то лежал
 (Или мой друг
 Гр.?)
13. Тут дальше
 эпизод
 Они ей сказали
 тебе милая
 надо на инсулин
 Она пошла к ним
 Уже механическими
 шагами,
 приближалась
 как скаковая
 лошадь
 большая
 В белом
 Ей били
 лицо
 Или не было
 Они уже
 шприц свой
 монзили
 Как Монро
13. Они шприц
 вонзили
- и рядом
 девушке тоже
 зелёный
 шприц
 Уже в руку
 вливали
 А сами
 говорили
 Мы здесь
 просто болтаем»
 Подружками
 хотели
 себя представить
14. Они были
 тоже это.
15. Она
 недалеко за
 площадку
 вышла,
 выходила
 уже, они
 видели её
 охранники
 все
 «Тебе туда»
16. Ей
 инсулин
 когда вставляли
 она не хотела,
 Как их
 заставить
 всё изменить?
 Видела их
 руки,
 стала
 петь «омш».
 Я не хочу так
 петь доченька.
 Не надо
 Я поучу
 тебя
 Как только
 Ты научишься
 сама
 Камлай
 по-тувински

14. Я стала петь
/18 омш
Я думала
разорвется всё
Их существование
Но я знала
через смерть
только
Надо умереть
продолжала
петь
все (мантры)
они кружились
перед глазами
[доченька
не надо вставать
так
в пол руками
упираясь
в таких
местах
там смерть
сама
ходит где
хочет (убить
тебя)
- 17 Ну я запела
все
мантры
Вроде что то
зашаталось
Но почему-то
дальше сон
снился,
продолжался
«он лежал
~~парализованный~~»
~~моя смерть~~
~~много стоит~~
~~2589765~~
такого никогда
не бери
а чёрный
маг
19. Но тут
открылась дверь
с противоположной
стороны
20. а они ещё
вышли гулять
У вас,
40 минут
она шла
даже
в руках
держала ветку
или что-то
Не в ту дверь
выходила.
Он сказал
«Мы на тебе
Диссертацию
пишем
[(не гони с Родины
А
А пусть останется
на Родине
она хочет жить
здесь
кольцо дари]
у него чёрное
лицо
было
И рога
как будто
из меха
все вылитые
в черном
костюме,
он прислонил
её
- 19 Не играй на баяне
Никогда больше
Никогда больш
А мне казалось
Он прошлым
утром
Всю важность
создал
«ты никто»
20. Он сказал
«Можно как то

- договориться
 Вы черти
 Я вам
 не верю.
 (20. Со стены все
 слоганы!)
 21. Я вышла
 ты здесь
 22 Они дверь
 открыли
 на той
 стороне
 И они
 стали бить
 слева положили
 плётками
 главного их
 начальника
 Проход Стал
 свободный
 23 Она пошла
 на свет
 где дверь была
 24 Там поднялась
 по лесенке
 (пунцовой
 крашеной
 белой бегзи)
 25. они
 портрет
 поставили
 на фоне
 картины
 моей
 «Как тебе
 нравится»
 26. Не спрашивай
 меня
 про кв-ру
 Если не надо
 ответ
 27. Они дверь
 открыли
 впереди.
 Я пошла
 к ним
- Они били
 какого-то
 начальника
 плетью
 Я вышла
 по лестнице.
 (пунцовой)
 (стыда вечернего)
 нельзя спать
 С мужем
 если не любишь
 Грех.
 Я вышла
 по лестнице
 С права
 ещё парень
 бил как-то
 бил
 Он
 Я её спрошу
 «ты не боишься
 там жить?»
 У неба в душе
 есть какая-то.
 Но вошла
 в прихожую
 там свет
 Это не те
 светы
 Просто обычный
 29. Они взяли
 её
 на руки
 утопили
 в тавне
 30 Они забрали
 у неё
 сердце ум
 память
 нашей
 эпохи
 31. Они забрали
 всё.
 А на руках
 повис тот
 парень

- из прошлого
(клиники)
Они хотели
его взять
ДерьмоДерьм
32 А я видела
вчера Марию
Потом золотом
покрылась,
и дальше
Я не дали)
видеть ещё
На наги
намотала
Может зря.
нужен.
31. Вы стали
чёрта
Он чёрт,
его не берите
Внутрь нельзя
бросать
«Бросай бросай»
они бросать
учили
Я не умела
32. Это парень
страшный
чёрт.
из охранников
Его нельзя было
брать
33. Ну они
отцепили
как то
35 Они вывели
из этого
кошмарного
гнезда
яда небесных
жал
жалящих этих
песенок
сна. /окт
2003
Там
- несколько их
вверху
стояло
вроде та девочка
зритель
Потом ещё
кто-то
3 человека
но они
чёрта
сумели
отцепить
А когда
ещё шли
по инсулиновым
полям
там
голубой сундук
(«Клавдия»)
стоял.
Неужели
тот парень
всё ещё
прячется там?
304. А она ещё
просила
книжечку
почитать
Когда я
в сундуке
лежала
«Дай»
А я отказала,
«не надо завтра»
(шей жилет
вечером
гнезным)
Она приходила
С другого этажа
Но я
не хотела
себя выдавать
тогда
306. По приказу
литература
это ужас

307

может
меня
муж наказал
за Цветаеву.
Она поэт
не перформансист

у них
был
вначале
торжественный
пир
когда они
все
расселись
за столами
Но все
сонные.
ине инек какой
коровой наряжусь
(Они иголки
к голове приставили
сзади)
интересный разговор
буду вести.
салып салып
салгал

Шприцы
свои
уберите
зелёные.
Я за Родину
браться
буду
как за
(грудь (сиську
матери.
Я мальчика
буду
лечить.
Ширээ
поставлю
(на ши)
Эти наги
все в картину

назад уползли
ээрени
поставлю
красиво
Их начальство
пусть
тоже
слушает
новую одежду
чаа кет кедер
одену
болгаш
борт
с крыльями
птиц
уже не понимаешь
был
не лотскими
тюрьмы
там вдалеке
На тю
повешу
сиреневый
кек ягаан
ковёр
цветной
(инсулиновые
больные)
Аарыг кижилерны
адыг ведёт
запись
бир азаларым
танныл
крепко держитесь
и будьте скромными
хватаете ос
кривыми ртами
цепляете месяц
боевыми
рогами
тихие, нежные
внимательно
и тихо
смотрите
С помощью
своего числа

определю
ваше число.
öö
Алды
Ораным
Өршээ
Өршээ!
крокодиловое
собрание
Вы возле
песчинок
греете бока
возле реки Нил
Со стеклянными
двумя берегами
тихо бродите
С берега на
берег
по узкому проливу
переплываете
В свой мир
Возвращаетесь
мирно
мои крокодилы
мои носатые
хяактыг
хар
снегом
покрыта
Земля
Всюду сон
и покой
Время и
нам
спать
Будем во сне
лечить
мальчика
Да я
родилась
чудесно.
Да по
вас,
матери,
славлю
всякое

зачатие
И мировой
отец
прими
нас
всех
своих
детей

Я хочу купить зубы лошади

Я хочу купить зубы лошади?
 А он мне показывал
 камешки, бижутерию.
 Я снова показываю на клыки, позолоченные
 мелк. штучки — я хочу
 это купить, покажите,
 сколько стоит?
 Он отвёл меня в сторону,
 все зубы
 оказались позолоченные
 Пожалуйста,
 Он мне показывал,
 1 шт 30 руб
 Потом вообще увёл меня
 в сторону, стал делать всякие
 интересные предложения
 на этот вечер
 Я сказала, мне ехать
 далеко. Сама подумала
 Это (на него) лошадь
 так влияет?
 Ну были ж клыки там ещё
 Но я просила именно зубы
 А он почему-то не продавал
 Там вообще сначала были
 сбруи, всякое на ремнях.
 Это же они выставили на
 улице.
 Сначала ведь собралась

.....

 Я тихо сидела на лавке.
 Ну они потом начали заседание.
 Пошли в другое помещение
 (Это потом). Друг другу
 говорили пароль
 (Я там был) Там хорошо —
 Ну вроде то что был
 только их лидер,
 А остальные только
 верить должны, будто знают,
 что там хорошо.
 Потом, это ещё вначале,
 пришла милиция
 Один парень сразу

вынес гитару,
 притворились, что концерт
 Потом ещё. Перешли
 в др. зал. Милиция всё
 неверила, потом все увлеклись
 Милиция говорят:
 давайте теперь секция духовых!
 Гитары надоели уже.
 А Г в заднем ряду сидел
 Он посещал секты эти
 Я крутилась на материале
 Сзади сидела и впереди перелетала
 Потом вышли с баяном
 У меня же тоже есть баян
 Песни стихи Цветаевой исполняли
 Я ушла, я же свободный человек.
 Его мать мне сказала
 Почему у нас принято дарить
 Но это не приносит счастья.
 И дала мне 3 сумки.
 В одной какие-то шапки
 Такая оранжевая шапка сшита
 из меха плюша
 Какие-то с полями с белыми
 С зелёный горох верхом
 Много шляп.
 Другой мешок кисточка
 для рисования,
 блокноты какие-то
 просто мелочь какая-то
 В третьей на дне
 мои костяные крашенные
 Почему покрашенные,
 не хотела же я?
 Она на крыльце стояла
 и так смотрела
 налево на дорогу
 А я думала, может не брать?
 А она – возьми, возьми
 этот парень тоже всё отдавал.
 Сын как вроде
 сначала жениться хотел,
 Я ей говорила я же хочу просто
 сшить шёлковый кафтан. А на нём пуговицы
 От зубов лошади. Она смеялась
 Я снова она опять. Она смеялась
 только.

Ну потом в помещении-то
 у окон
 Один схватил девчонку за зад
 Она ему сказала
 эй ты я здесь вообще
 не причём ты никакой
 Я вообще здесь сама по себе
 Ну вобщем отшила его
 а эти говорят
 (Что хочу то делаю себе
 А ты не думай что ты можешь)
 Она ему наставления
 дала в устной форме
 Это не учение,
 It's not a teaching
 девочка говорит
 А они в ответ именно
 в действии, в ситуациях
 настоящее даётся учение
 Ну ладно, пусть.
 Так же каждая часть своей
 субперсоналии
 возникает и общается сама с собой
 Ну тут двери развернулись
 Комната кружилась
 вышли из стены все
 Ну к лифту
 Как обычные люди
 А та девушка шла ещё,
 И говорила, она видела
 дерево сверкало,
 Как будто маска на лице
 отделилась. Это чёрное было
 нарисовано всё
 на бересте, с красным ртом
 глазами жёлтый нос
 Оно как птица отлетело
 Там тёмный дух
 Над лицом скопился
 От этой маски не давал дышать
 Ну потом всё очистилось наверх
 Ушло на небо всё.
 там белые ветки были
 там как кораллы
 над ними голубая вода.

17дек99

Там только на кухне
 было.
 Я подняла голову
 там дуб над ними
 был очень высокий
 Его ветви шевелились
 Он могучий
 На потолке окно было вырезано
 Квадратом
 И там я увидела
 все ветви
 Как будто рога оленя
 это бубен прорвался
 Я зашила,
 сверху положила
 чёрный квадрат
 кожи
 И я во сне видела
 Там над кухней
 Сверху ещё один квадрат
 Пустой прорезан в голубом небе
 Как окно ещё
 Там дуб
 Мне очень понравился,
 Я долго могла бы смотреть.

18дек99

У него прямо
 шевелились ветки
 очень высокий, очень сильный
 и этот дом
 весь наверное
 знали про дуб
 Это главное было над ними
 Потому что так-то квартира коммунальная
 Никто не утешает
 жизнь жестокая
 Я жаловалась у меня на стене
 Нарисовали лицо
 Этудники все поставили
 у меня в комнате
 Вышла в коридор
 соседям сказать
 Они не стали жалеть
 Вообще не стали слушать даже
 Они 3 кресла купили в холл

Это их больше всего занимало
Как софа
Ну там можно
Ещё достали шприцы
Так-то плохо всё.
А вот дуб мне
очень понравился
Я когда увидела
Вот подняла лицо вверх
Вот так сразу ветви
И как рога марала поднимались
И ветер и листья и всё
шумное и не мешало.
Это не дуб может
Но всё равно называюсь дуб.

Вадим Типограф

Поэт. Тель-Авив.

Поэма

пока я в детскую внесён вперёд ногами
в мертвецкой жил стишок из пластилина
но перестукивалась с нами головами
вода по имени красивому марина
она жила за стенкой если можно
играла в классики болела скарлатиной
но убегала убегала понемножку
вода по имени красивому марина
пока я в детскую внесён в дубовом списке
в мертвецкой свадьба из костей бодлера
и дуб зелёный тот из детской письки
и мыслит и страдает под фанеру
небо с дыркой для головы
да река с прорезями для глаз
ангелок просунул кисть руки
показал что думает о нас
в тир конечно в тир где над свечами
зажигает цирк свои огни
близорукий выстрел наудачу
фейерверк салюта из груди
гидропарк сегодня весь в огнях
оглянувшись в очереди за пломбиром
видно сладкую невосполнимость
над трухановым то свет то мрак
наелся какой-то снотворной дури
как будто в дури есть покой

ещё дня два держался за стены а потом отпустило
так что мятежный не делай бури
так бы вот построфно поэтапно
про опыты по живому про первую под руку
руку как вена бесцветная вдруг расцветала
нехотя спохватывающемуся отроку
вот женщина свой стыд
как я свои стихи
расставила и сцыт
как я свои стихи
«пацан не сцы потрогай меня вот сюда»
вот я вновь представитель
потерянного рая потерянного ада
и сестричкино прикрывание мне глаз
«не смотри»
пытается предохранить меня
от первой любви
«выпей этих красненьких это полезно»
и я пил не отходя от столика
и гордился собственной болезнью
гордостью подопытного кролика
я решил что в эту зиму я был остро
болен даже жёлтенькие в унитаз не сплёвывал
мног гордились местные медсёстры
и водили за руку в столовую
а по выписке в лесу кору ел
химию сгонял первыми ландышами травами
организм себя сам что ли надоумил
он один меня здесь караулил
с голых веток
меня рвало я никак не выздоравливал
чем меньше дней нам оставалось вместе
ночей и дней
тем жизнь была глупей и бесполезней
и верней
вставали поздно допивали остатки водки
что-то ели
под вечер одевались в город и разбрасывали шмотки
по постели
откуда эта непоседливость ненасытные ночные блуждания
по городу
под утро ебля ненадолго утихомиривала
жар в груди
он меня потом спрашивал понимаешь к чему
это нас приведёт
что я мог ему

ответить

я сам не знал я был только поэт
а не оракул
я часто заморгал глазами но нет
не заплакал
не нравится уходи ты показал на дверь
я посмотрел на дверь входили
новые лица моложе
снова теплело в доме
когда нас разлюбили
мы оглянулись на дверь
рукопожатье дверной ручки на прощанье
железный привкус на ладони
любимый забраковал
мои бёдра
как вёдра жестоко сказал
и подло
на этом кончилась вдруг
любовь до гроба
но бёдра не сам ли ты друг
мне разработал
чтоб ввысь нам вместе стремиться
чтоб в два широких крыла
весь лебедь весь гордая птица
тебе подмахивал я

я вас любил но вы любил другую
наступал на песню собственному хую
ты загадал мне рифму на любовь
я проиграл остался жить и помнить
как на ходу неловко первый раз
ты целовал меня в какой-то подворотне
в окне мелькнула наша тень украдкой
признанья спылу-спяну
объятья а потом
любовь самообманит
и бросит жизнь вдвоём
одному не весело
лелеяние надежды
быть выше любовных привязанностей
яйца перевесили
притяженье плешки
мне здесь светло и грустно
топиться или вешаться
мои отлетевшие чувства
возвращает искусственное дыхание
юности непервой свежести

что можно сделать с лишней
на этот вечер жизнью
моя но мне чужая
лежала на кровати
и кто-то безуспешно
оплодотворял её сзади
забыв о ней настолько
что ей почти не больно
я судорожно грыз овсяное печенье
и думал о своём предназначении
давал эпиграф зарожденью чувства
бескорыстное страданье верх искусства
читаем пир и думаем о боге
не забыв раскинуть ноги
для любви поглубже
ах мы так амбивалентны
и прекрасные легенды
нам примером служат
ими вдохновенье вдохновляем
на упоенье уповаем
на хуй усевшись
меж зооморфными богами
парим то решкой то орлами
в любимцах зевса

«говно – это ещё не самое страшное»
ты подтёр меня полотенцем и снова притушил торшер
закурили отдышаться
любовь пахла твоим дыханием и собственным дерьмом
хочу чтобы ты простил мне эту памятьливость хоть на это
ты всегда был выше второстепенных деталей
влажная простынь возвращала пот нашим остывающим спинам
ты купил меня на человечность
я купился я доверчивый
мама меня спрашивает
как это я отдался первому встречному
а я смотрю в твои глаза и шепчу
теперь ты можешь делать со мной всё что хочешь
ах я доверчивый до беспечности
и перебираю в кармане
одну человечность две человечности три человечности
я предупредил наливая по капельке
«сегодня ты меня узнаешь в новом качестве»
с листа
пускали ласковые песни
с лести
сдували первую пенку

но вышло не так
«ты ещё и стихи пишешь?»
«я прочту?»
«нет-нет потом»
он вообще понимает кого ебёт?
я хотел как всегда
но ему вдруг захотелось в рот
«я был пьян, молод и глуп», —
ты мотнулся ко мне головой, — «понимаешь?»
я был пьян молод и глуп и хотелось вот так же
потянуться потом за понимающими губами
но пока я подставил свои

прошли годы
ты мне сразу сказал что нужно говорить:
— скажи что больше меня не любишь
— я хочу тебя от себя освободить
— почему ты хочешь меня бортануть?
— я не понимаю твоего «бортануть»
— «бортануть» это твоё «освободить»
бабская просьба
пожалуйста не давай мне свободы
клади трубку
жило мгновеньем
как умело
уже тронутое тленьем
у рта и под глазами тело
пело беспечным голосом
мол с этим всё в порядке
о вечной юности вернее с возрастом
играло в прятки
перекликалось с ним аукалось
то целкою то старой пидовкою
то мальчиком то болью около
левого лёгкого
то вспомнив все умрут
и как вернуть назад
своих молочных губ
мясной запёкшийся агат
то старостью и надо ли
под видом этих слов
алкать глотать заглатывать
свернувшуюся кровь
нет вы знаете не глаза
врезался в память тёмный
землистый вернее чернозёмный

цвет лица
хотелось задумавшимся но подумав
так и вышел
испито лыбясь
опорожнено под будущее подставляясь
обожжённые фотовспышкой как вы живёте
сигаретами на отлёте
отгоняли фотографичных духов
а глядь и сами в них превратились
если б кто сказал как это просто
десять лет и себя не узнаешь
и себя не узнает провозгласивший тост
за вечную молодость
пугать детей теперь соблазнять подростков
избегать сверстников

что могло быть между нами
общего кроме
того факта что со снятыми челюстями
он был лучший вафлист в районе
и как рукой снимал с тела
стресс усталость
вы шли к нему только по делу
пятнадцать минут и разбежались
забыв с ним все эти фальшивые
голубые ласки недомолвки
просто вставляли ему в плешивую
голову свою головку
притягивали её (плешивую) вплотную
к паху с нарастающей силой
и воскрешение вашего хуя
автоматически происходило
я любил его и он мне
платил тем же прополаскивая одеколоном
свой шамкающий до сих пор помню
как он сглатывал сперму бережно и умудрёно
то что с ним станет потом это тема
не моего романа я же
ещё помню его в то время
о котором уже никто не расскажет
у него был свой стиль
дорогие духи и дешёвые папиросы
на левом мизинце он носил
длинный ноготь и в ту весну цитировал исключительно «Белые розы»
в тот ласковый май мы встречались у меня
он откуда-то доставал
отрывки из ещё ненапечатанного Кузмина
мне не давал

но любил зачитывать самое пикантное из «Дневника»
в постели
как Маслов
Юрочка
«Собака»
нас блазили собой как мы от них балдели
как однажды всё это плохо
кончилось
по-свински
он так вжился в ту эпоху
что даже «раком» называл как-то по-французски
к себе не водил но мы и так успели
проиграть эту тайную страсть между Кузминым и Блоком
просто у него дома доступ к телу
охранялся бабушкой и красавцем-догом
чёрным большим
на плешке
говорили что он и с ним
но это уже слишком
или это были обычные сплетни или
в том что они так
смаковали к чему так любили
возвращаться был свой резон а я не люблю собак
это были времена
о которых особенно не хочется
вспоминать сейчас я читаю «Дневник» Кузмина
и где он кумир моей юности
чтоб уличить его в мифотворчестве

вино янтарные непочатые шпроты
бутылочные искорки улыбки
когда ты вновь копируя кого-то
спросил
— не съесть ли рыбки?
— кого?
ведь время съело нас обоих
как от вина и шпрот слизало пятна
твоей улыбки тени на обоях
как ты садился на хуй плотноядно
твоя улыбка на хую
такою бездною разверзлась
блаженно-тютчевскою
что я ладонью эту мерзость
закрыл
слепорождён туда-обратно
язык по линии судьбы
провёл пронзительной отрадой
я закричал на букву бы

дохлый кафка лапки вверх
ляжки согнуты в локтях
вставь мне в зубы сигарету
даже если не прошу
дай на пять минут вот так
свой обугленный костяк
зафиксировать запомнить
я к нему ещё вернусь
слюни струйкой из угла
запрокинутого рта
паха петушиный пух
хуя мокрый лоскуток
капли спермы кап-кап-кап
на подложенный платок
зад приподнятый как будто
ты меня ещё в него
как ты красив проклятый
что я говорю
иди любимый хохочи
и не оборачивайся на
подпирающего чтобы не рухнула
вцепившегося в стену
кто он тебе
та же стена
прекрасный мой благословенный
он полюбил женщин у которых есть дети
женщин которые плачут по ночам
и смиряются со своим старением глядя на своих детей

их выцветшие глаза принесли утешение
осознание принадлежности к законам всея земли
и его страсть покорно сложилась в троеперстие благословения

но эрос что-то прикинув в уме озорно улыбнулся
и остановил его взгляд на лежащих на пляже подростках
их острые лопатки исчезающие в воде

брызги от мокрых волос и ломающиеся голоса
их задиристая беззащитность больно ранила
и захотелось броситься и оградить их собственным телом

от надвигающегося будущего
от перемеливающих всё и вся законов всея земли
да-да собственным телом собственным телом

судорожно шептал он в темноте онанируя
сладкую придумал себе расплату

она сама этого хотела
ты только подошёл вплотную не спеша
и скинул футболку как скинул тело
и осталась одна душа
вот она воскресшая во плоти
я сам себе противоречу
ты только стой так не отходи
ангел смерти моей и сам не вечный
значит уже
значит это ты
значит уже нельзя назад
держусь не касаюсь твоей наготы
ведь с любовью начнётся её распад
как ночью звонок как гость некстати
от тебя в комнате моей светло
пусть футболка хранящая твоё тепло
сладко спит у меня на кровати
вот мы и встретились взглядами
как они тянулись на ощупь
как росток цветка
как луч солнца
слепо цеплялись друг за друга
мой обезвоженный как эта земля
твой обезбоженный как это небо
услуга за услугу а
ляг вот так
закинь ноги мне на плечи
и не сжимайся расслабь сфинктер
а я за это
опишу твоё блаженное запрокинутое верхнее а
так сказать увековечу
белый порошок это же химия
а я и так
нюхаю твою подмышку
и дурею
нюхаю твою прямую кишку
и ещё через пару часов
подношу к носу два пальца
и так меня прёт
как будто ты рядом
ты мой двойник
ты мой тройник
проводишь сок
проводишь ток
щас будет музыка
и я два пальца

куда-то не туда
а у тебя там
открытое как провода
по влажному неинтересно
крем для рук побереги для рук
а пока мы вместе давай без онанизма
чем больней тем мы друг другу ближе
не за тем ли эпидерма тянется к эпидерме
я зачерпываю пригоршню
елейного люблю
куда столько
цветик мой это же смазка
я же чтобы тебе не больно
просто ты работал во мне
просто когда ты уставал
я откусывал тебе голову
и ты благодарно
засыпал у меня на плече

поэзия уходит из-под ног
на чём стою душа уходит в пятки
и окрыляет шаг и я как бог
веду себя на свет с условием не-оглядки
орфей и эвридика и гермес
в одном полузаконченном лице
сойдутся вновь и снова каждый без
исполненной любви останется в конце
ну а пока на мне скрестились судьбы
трёх не-людей трёх путников оттуда
где нет меня и только не взглянуть бы
на неизменность пройденного чуда
стихи остановились на моменте
безвременья и кончилась стезя
и я уже одной ногой в легенде
о том что дальше петь и не взглянуть нельзя
что любовь в их исполнении была лучшей из постановок я не скажу
вспомни хотя бы таньку
как она била хвостом и подымала волны над своим утопленником
как вытирала пьяная сперму мужского хора с куртки об снег
или мальчика витью
до сих пор воспоминания о его похоронах
служат лучшей достопримечательностью голубого львова
но и в их исполнении были свои находки
как например падала любимая мамина ваза
в зале уже разряжался озон собирающегося катарсиса
фоном шла тишина а лейтмотивом
тот перехват дыханья из шлягера про их встречу и расставание

а ваза только глухо стукнулась и покатила по половой дорожке
скажешь самоирония на твёрдое хорошо
сознательное решение снять мелодраматичный эффект
не режиссёр не знаю
по-любому пустует каток где они кружили
в других теперь труппах ставятся свои провалы свои остались живы
ищу человека
горит фонарь под глазом у пазолини
дешёвый но сердитый молодой человек
гордо удаляется с пляжа
поколение за поколением
роняя на скоку ещё тёплую сперму
— «Не имей сто рублей, а имей сто блядей».
Посмеялись. Ты перезвонил,
и бутылку привёз блядь по имени Никита.
Это было, когда я так удачно пошутил о твоих друзьях.
Никита разливал, и я делал вид, что он мне не нравится.
Уже под сороковник,
если б не смешливое «а потом в кроватку?» в глазах.
— «По первой?»
— «Она же по последней».
Бутылка дрожала в руках.

— «Уже уходишь?»
— «Я бы остался, если бы меня попросили».
— «Молодость дороже общих воспоминаний».
Никита улыбается моей хамеющей улыбке:
— «Все там будем. А пока» —
он весело встаёт,
чтоб забрать с собой пустую бутылку.
пока я здесь дровича
и думала о вас
у вас наверно тоже
ко мне навстречу встал
пока я намечтала
ваш юношеский ню
вы несомненно тоже
кончали в простыню
пока я вас хотела
как счастье поиметь
вы думаю туда же
хотели и меня
живём лишь тем что в прошлом
сливали свою страсть
друг в друга как прекрасней
могли её просрать

играла музыка но это под вопросом
орлёнок ехал золотой по краю лета
а я
я осень целовал в засос
с засосом
я был насосом для велосипеда
лишь раз в году такое может сниться
во рту весенний привкус первой спермы
орлёнок мчится и мелькают спицы
и музыка
она одна бессмертна
где хочешь можем на вокзал
или здесь минетом
но ты сказал ты завязал
по туалетам
и что-то гордое мелькну
ло в русой чёлке
как ангел в засранном окне
на барахолке
как звали ангела
васёк
конь
чебурашка
тогда пошли в один ларёк
чтоб не в параше
мальчик в пидоры пошёл
подставлял смешную попку
под безжалостный шомпол
быстрой привокзальной трёпки
этим он хотел сказать
что мол так ему и надо
что за всех он пострадать
хочет это ль не награда
и когда его найдут
в шахте с рваной раной в жопе
будет принародный суд
где все покаются в своей злобе
подступленье темы к горлу
не сглотнуть
противоречье
в том что ты сейчас для жерла
сам являешься картечью
и поэзия на мушке
не стреляй
себя орудьем
фраз как старый добрый пушкин

не давай опасным людям
или поздно
жизнь во власти
центробежной к жизни точке
разряжённой скорым здрастье
переживших риск осечки
последней революцией был гомосексуализм
и на милицейское ви дівки чи ні
мальчики на платформах и в чулках
распахивали шубки и хохотали хохотали голенькие
первое чтение смерти в венеции польское издание жана жене
музыка малера омывала голубой пляж на трухановом острове
и молодой и красивый дефилировал по кромке воды
только оклики и он обдаст тебя залпом визгливой ненависти
основной контингент евреи и полукровки
так было всегда
это было ещё до клубов далеко до клубов
это было на излёте катакомбного времени плешек и общественных туалетов
и не верилось в старость не верилось что мы победим
мы пришли ниоткуда и вернёмся туда же
а пока
нам помашет как тень неспевшая наша
ну пока
выбегая на дачную пристань на завтра
на причал
по воде за моторкой с распушенным здравствуй
не печаль
ся мой друг се мой друг кончен пляжный
я и сам
закрываю сезон журавлиный протяжный
к небесам
поднимаю осколок отпитого лета
на губах
то ли смех от воды то ли кровь от привета
то ли страх
свою тень отпускать не порежься босая
по песку
следом в след навсегда в темноту отступая
ну и пусть
где вы где вы мальчики как девочки
с глазками как шрамики любви
по пьяным венам пускали кораблики
и дышали на вены плыви плыви
и роняли на подушки головы
скошенные венчики венцы

затянулись шрамики соловые
расцветали как цветы сосцы
иван-чай иван-да-марья молочай
как берёз апрелевская течка
пола дойный краник-семисвечник
губ растрескавшихся солончак
выпились как соки ваши сроки
мальчики как девочки обабилась
отелились эфедринные дороги
яблочками-падалками падалью
наши расширенные зрачки
пусть фокусирует кто-то другой
а мы едем домой
мы уже едем домой
и нам по пути
как жирно намазывается туман-дурман
на корку наших дорог
как сладко будет уже не нам
вкусить от этих щедрот
мы скакали я сразу сказал
я скакать не умею
обхватил твою мокрую шею
и упал да наверно упал
твой крестец обхватив своим торсом
как с любимым лежа пацаном
соскользнул полетел распостёрся
а удар он приходит потом
он опять не успел он дурак
он за нами уже не поспеет
он скакать не умеет
ты скачи ты красивый и так
не бойся
было и хуже
было ли хуже
нет
не было хуже
они думают
можно повторить движение
и получится танец
а
надо повторить душу
а
душа не повторяется
и получается новый танец (нижинский)
движение может быть тем же самым

ангелов кормил с ладони яствами земными
красотой лугами заливными
ангелам скормил ладони кожу затынуло
так ещё по локоть могут слопать
ану кыш кыш пернатые
обречённость военного марша
всё что я понимаю в музыке
гудит в стволах зимнего леса
земля стала нашей кроной
певчие черви
сонно ворочаются в наших глазницах
хруст льда под ногами
стал нашей речью
обрати на себя эту ложь
и заскрипит верхушка сосны
свалится снежная шапка
обнажится горячий лоб заката
и ты поклонись

я сейчас осторожно
сердце дрянь не дыши мне под руку
я сейчас осторожно
прыгаю и хватаюсь за страх высоты
подтягиваюсь и переваливаюсь всем телом
выхожу на новые рубежи
я еще не привык
по скользкому узкому
знал бы одел бы кеды ладони натёр бы мелом
только не смотреть вниз на растопыренные ладони книг
запрокинутое лупоглазое настольной лампы
где я где ты
я сейчас осторожно

время вспыхнуло на время
и погасло
не ревите детки ревя
и напрасно
не затеплится лампадка
перед богом
не покаяться уж сладко
и во многом
тишина стоит на страже
у ковчега
ждёт и слушает и страшно
человека

Никита Иванов

Родился в 1989 году в Екатеринбурге. Учился в местном университете на факультете искусствоведения и культурологии. Работал бортпроводником, барменом. Ныне – менеджер в рекламном агентстве. Живет в Екатеринбурге. Публикации в журналах «Новый мир», «Урал», на сайте «Полутона».

Звёзды, полосы

1.

Джим, например, Моррисон
Работает на канале Дискавери,
Снимает фильмы о животных вот уже скоро лет десять.
Его уважают в очень узком профессиональном комьюнити,
Считают не хуже других,
Время от времени вручают премии на фестивалях.
Он не то чтобы звезда первой величины,
Но он доволен и ему хватает на жизнь и хватает работы.

Джим с детства интересовался животными,
Сколько себя помнит, как Джеральд Даррелл.
Он держал выловленных в пруду рыбок,
Пойманных на окраине родного городка весенних ящерок,
Выводил из гусениц бабочек-капустниц.
В пять лет ему подарили щенка, бассета.
Пес, которого старший брат в шутку назвал Виски,
Прожил пятнадцать лет и умер, не проснулся однажды утром,
Когда Джим уже учился в университете на биолога.
Родители прислали телеграмму, и Джим приехал на похороны.
Когда потом умирали родители, Джим оба раза был на съемках:
Когда отец — в Африке, когда мать — в Венесуэле,
Приехать было нереально.

И вот Джим скоро год сидит на Суматре,
Снимает фильм про тигров.
Здесь живут самые маленькие тигры в мире, их осталось около четырехсот.
У Джима есть трейлер, но не как в «Дикой семейке Торнберри»,
А гораздо скромнее. У него есть верный оператор Джек,
Пять камер, две из них замаскированы под пни и приводятся в движение
При помощи специального устройства, которое постоянно ломается.
С этих камер можно снять тигров близко-близко.

По вечерам Джим смотрит на берег озера Тоба,
Освещенный закатом, думает об экваторе,
Это одна из его любимых вечерних мыслей,
Курит траву, смотрит в интернете новости,
А когда связь хорошая, общается по скайпу.
В его контактах — старший брат, жена старшего брата,
Старший сын старшего брата, уже студент,
Начальница со студии и давняя университетская подруга,
У подруги вечно всё плохо, это не нравится Джиму,
Но как-то тонизирует, что ли.
С Джеком они не общаются не по работе,
Всё друг другу сказали. Джек читает книги.

2.

В фильме, который снимает Джим,
Есть звезда, тигрица Одри, она изящна, дико фотогенична и очень опасна.
Джим и Джек сняли, как она охотится, убивает оленей, обезьян,
Один раз — как Одри убивает маленького милого теленка буйвола,
Трогательная получилась сцена.
Один раз — как Одри дерётся с крокодилом;
В драке никто не победил, на боку Одри остался шрам от его зубов.
Потом Джим и Джек сняли на одну из самоходных камер,
Как Одри спаривается — нет, занимается сексом —
В фильме тигра-самца будут звать Дэвид.
Потом Одри родила двух тигрят.
Джим и Джек сняли роды и очень этим гордятся.
Дальше фильм изменился, Джиму пришлось переделывать на ходу сценарий.
Тигрят назвали Лора и Дэйл, это мальчик и девочка.
Одри как бы отошла на второй план. Она постоянно охотилась, надолго исчезала.
Приносила окровавленные туши, но сама ела мало, а тигрята много.
Одри похудела и стала нервной.
Тигрята быстро росли, играли друг с дружкой, исследовали мир,
Получалось огромное количество отличного материала.
Дэйл даже заглянул прямо в самодвижущуюся камеру, замаскированную под пень,
Офигенно вышло.

Однажды Джим снял на ручную камеру, как Дэйл охотится за большой лягушкой.
Дэйл был уже довольно взрослым, почти уже тигром, а не тигренком,
Но всё еще любил играть.
Он ловил лягушку, а потом отпускал её, ловил и отпускал.
И в конце лягушка прыгнула в маленькое озерцо, а Дэйл за ней.
Дэйл плюхнулся в воду, лягушка уплыла и спаслась,
А Джим снял кадры, как почти взрослый тигр, весь мокрый, весь в иле,
Стоит, отряхивается и выглядит крайне глупо.
Джим был очень доволен.

3.

Так у их фильма появилась новая звезда.
Зрители полюбили Дэйла, все умилялись им, ждали его новых проделок.
Но Джим знал, что скоро Дэйл окончательно вырастет и уйдет жить самостоятельно.
Джим написал об этом начальнице, спросил, какие будут указания,
И напомнил, что командировка его заканчивается,
Написал, что хотел бы вернуться и чуть-чуть пожить дома, хоть пару месяцев.
Написал, что дико устал и заебался и его ничего уже не радует,
А это плохо.

Начальница ответила сразу, несмотря на разницу во времени.
Она просила потерпеть и обещала двойную оплату.
Это с её стороны было вполне самоуправство,
Но она была уверена, что руководство согласится.
Все полюбили тигренка Дэйла, которого невозможно было не полюбить.
И сама начальница тоже его любила.
Дочь начальницы хвасталась в школе эксклюзивными видео с Дэйлом,
Которое пока еще никто не смотрел, кроме неё.

Джим разозлился и даже выпил, и довольно много.
Он написал, что Дэйл вырос, и он скоро начнет просто убивать оленей и обезьян,
Жрать их окровавленные тела, трахать тигриц,
Что он уже никогда не будет трогательным тигренком,
Что умиляться совсем скоро будет нечему,
И дополнительные затраты совершенно не оправданны,
Что фильм логически завершен.

А еще Джиму было жалко Одри, которая совсем перестала интересоваться всех.
Потом Джим выпил еще и понял, что ему жалко себя.
Что он сидит вот тут на Суматре и снимает очередной,
Не помнит какой по счету фильм, и ничего не меняется,
А Дэйл вот стал звездой, например.
Он побыл юной звездой в фильме про взрослых,
А сейчас он сам стал взрослым и все хотят фильм про Дэйла,
И это будет на самом деле классный фильм.

А у него, у Джима, ничего опять не изменится.
Очередной средний классный фильм.

Джим обматерил начальницу и заснул,
Не посмотрев закат над озером Тоба.

4.

Утром он пересматривал вечернюю переписку, долго пил кофе, курил, зевал.
Потом написал начальнице: «Извини, я вчера перебрал,
Что-то не то сказал.
Я мечтал стать таким, каким стал.
«Дискавери» — мой дом, самый лучший в мире телеканал.
И моя работа — тоже лучшая в мире.
Ты не могла бы только съездить и посмотреть, как там в моей квартире.
Мне не нравится тот жилец, которому я в этот раз её сдал.
Я сниму про Дэйла фильм, каких еще не снимал.
И вообще, тут такие закаты, такая трава, такая утром роса,
Тут так птицы офигенно поют на разные голоса.
Я прямо чувствую, что у меня начинается светлая полоса».

5.

В конце этого нового фильма тигра Дэйла,
Бывшего тигрёнка, гонявшегося за лягушкой,
Насмешившего всех,
Убьют браконьеры.
Желчный пузырь тигра, его клыки и прочее
Очень ценятся в народной медицине.
Про шкуру и так понятно.
Съемочная группа Джима Моррисона не успеет принять меры.
Охрана заповедника здесь — одно название.
Связь через раз. Ничего было не поделать.

Джим вернется домой со своим лучшим фильмом,
С настоящей историей жизни, с настоящей трагедией,
Которую не могут сыграть никакие актеры.
Он получит самые главные призы.
Его гонорары увеличатся на порядок.
Он напишет книгу.

Но никогда никому не расскажет тайны.
Никогда всё равно не будет счастлив.
И будет уверен, что никто счастлив не бывает.
Просто так, нипочему.

Александр Авербух

Родился в 1985 году на Украине, в Луганской области. В шестнадцать лет переехал в Израиль. Прошел срочную службу в израильской армии. Живет в Тель-Авиве, учится на отделениях литературы и журналистики Тель-Авивского университета. Публиковался в журналах «Двоеочие», «Воздух», «Октябрь», «TextOnly». В 2009 году выпустил первую книгу стихов «Встречный свет» (М.: АРГО-РИСК, Книжное обозрение, 2009).

+++

не люди
пусть во мне говорят
малиновый дым
 сиплая песнь табака
жжет
 дальше пусть говорят чужие
место разлома голоса вне голоса моего
мясной выжигатель когда извлекает мольбу
резиновый смог
 пышный ветер
 меня не колышет
кораблик воздушный сгорает у всех на виду
где горло табачное пышет
приими тело его
 в непроглядный туман
пореза надежного парус вздымается выше
источника живота
 разрывается небо
соседство привычное
 город табачный летит
чужие расскажут по-нашему
в створчатый выем
где будут пред нами
 каракулей глаз восковые
глухой барабанщик
 в окоченевший зрачок
и
устал под ребром паук

сладкого гласа пряжу не нам жевать
лямку сию тянуть
 над кровавой землей
что же теперь, дорогой Аким?
вечное око
 мозоли и чад
пустим их горе
 по адскому кругу за нами
веретено
 я не верю
 и Троя
 внутри
все кувырком
 все свернулось
до спичечной точки
сошло все на нет
 по спирали
 в окованный сад
под средиземное дно
 воздух тяжелый не тянет
войдите
почин и усесться
качели уносятся в ад

а помните там были зимы
 обои и дом
каракули были и девы в платках оренбургских
ангины заоблачный зев
 молодые слова
и грех безотцовщины
 плавной иглой безымян
играет под ребрами
 деточка
 таня не плачет
зажмите рукою ей рот
 быстрый мяч
под водой
 и под дых
густой барбарис
душный склеп
гордость ветреной муки
ветрила
 мучная дорога
в сапог молоко

весной будет мама
и ссадина
березовый сок в рукава
заоблачный голос искрится
немые слова
неба сказ
небылица
и шелковый занавес по хрустальному небу скользит

но теперь оглянутся
воимя
где головы не подымать
порезаться гладью кордона
на эту ушедшую гладь
там где люди по пояс в земле
стынут, лица расставив зиме

вопрошай
спросу нет
в руку голый устав
тьень
гонимая память
вертит полый сустав
разве выронить голову
в непорочный тибет
кто стоит позади этих облачных лет
доли

и
поле
в гору мерит казацкий сей шлях
черный дикий покой
в полдень шел на руках
плотный уличный гул расступился
как сон
в коридоре ведомого
заколдован комар
в опрокинуту голову
долгий льется кошмар

11.09

Василий Чепелев

Окончил Уральскую медицинскую академию, работал детским врачом, затем в фармацевтическом бизнесе, журналистике, рекламе. В настоящее время – владелец рекламного агентства. Публиковал стихи и прозу в журналах «Урал», «Воздух», альманахе «Вавилон», сборниках премии «Дебют» и др. Выступал также с критическими статьями. Книга стихов «Любовь «Свердловская» (М.: АРГО-РИСК, 2008).

Фото: ©Дмитрий Кузьмин

Любовь «Свердловская»: перезагрузка. Пятый стишок

*По телевизору женщина в костюме
Говорит о погоде в Батуми
«Ляпис Трубецкой»*

выходишь утром умываться и на кухню
на хуй помираешь
пиздец тошнит
и весь еблет опух
и прыщи какие-то
и кашляешь как семидесятилетний
и качает как-то и хватаешься за стены и за холодильник
и седая щетина
и мама говорит запиской пишет точнее
«кофе кончился»

пьешь чай
что нам чай не проснуться с чая
костюм что ли надеть на переговоры
идешь в маленькую комнату там костюм
включаешь свет игуане гусу
говоришь игуане гусу
«что, спишь? просыпайся, животное, просыпайся»
игуана открывает глаза медленно неохотно
глаза охуенные красивые желтые
смотрят без интереса

а ведь вчера я приехал домой трезвый почти
и пиздец в принципе счастливый домой приехал
и с тобой потом еще смсился довольно долго
и ты написал что у тебя
«прямо настроение хорошо!»
спрашивается зачем напился
надо убрать это дежурное пиво
пусть лучше в холодильнике лежит
записка от мамы
а кофе пусть всегда будет

и вот сидишь с костюмом в руках
смотришь в телевизор
думаешь у меня было четверо любимых
ты пятый
с первым я научился всё скрывать
бухать слушать музыку
посвящать стихи так чтобы было никому непонятно
со вторым я научился бухать без него
готовить ему завтрак ждать его дома
зарабатывать для него
учить его писать стихи

господи мама зачем ты покупаешь хуёвый чай
у него впрочем всё равно были плохие стихи
зато я научился посвящать стихи открыто
и признаваться в любви и не молчать
недавно я сказал таксисту чтобы не молчать
потому что у него в рации какой-то пиздец происходил
и диспетчера лаялись с водителями непрерывно
«в любой работе есть место творчеству»
таксист ответил
«детский сад на смене, вот и творчество в работе»

с третьим я научился что они совсем теперь еще дети
что ни хрена не понимают
я научился любить-любить
так что ничего больше в мире нет
вообще ничего
вообще ничего
я научился ничего не бояться
я научился бояться всего
я научился быть готовым умереть в любую секунду
чтобы у него было всё хорошо или хотя бы нормально
кажется с ним я научился не бросать

возвращаться на место преступления
я вспоминаю как однажды видел в сериале CSI
про американских криминалистов
серию в которой полицейские не хотели искать
пропавшего семнадцатилетнего парня
и главный полицейский аргументировал это так
«всё равно он появится через неделю с улыбкой до ушей и засосами на шее»
с четвертым я научился любить такого
пропадающего на неделю на две на месяц на ночь
появляющегося с улыбкой до ушей и засосами на шее

я научился понимать что может быть будущее
я научился не пугаться когда обо мне заботятся
когда обо мне думают
я понял что можно ничего не знать друг о друге
и всё-всё говорить друг другу
и что это не взаимоисключающие вещи
я научился знать что можно быть не единственным
я увидел как мальчики снимают серьги
и переодеваются из желтых и красных курток и футболок
в черное на несколько лет

а да с четвертым я еще научился наоборот не бухать
я узнал что бывает если пойти ночью в разные стороны на улице
и стереть телефон из записной книжки
и полтора года не видеть
не слышать голоса
не ходить никуда чтобы случайно не встретить
а потом встретить случайно
и какое можно почувствовать счастье и какой это пиздец
и никогда не ходите в разные стороны ночью на улице
стирая на ходу телефон из телефонной книжки

теперь я всё знаю и умею ну не всё а многое
это всё для тебя я недавно понял
я всю жизнь жил для того чтобы
когда встречу тебя всё понимать
и всё сделать так как надо
чтобы без ошибок
чтобы только любовь и счастье
ну то есть ты конечно абсолютно какой-то новый
абсолютно какой-то удивительный
и я много чего с тобой узнаю многому научусь
но это всё уже теперь будет только для тебя только твоё

я хорошо помню как недавно
утром двадцать седьмого августа я понял
что ты это даже ни хуя не моя любовь
ты это моя судьба
я вспомнил что когда много лет назад
меня хотели убить
я думал только о том чтобы любимый успел убежать
это был если что третий по счету
твой старший брат
для тебя герой кумир образец для подражания
для меня маленький мальчик который должен успеть убежать

сейчас он обижается что из-за меня стал меньше с тобой общаться
а в ту секунду когда я падал на тротуар с разбитой башкой
ты засыпал где-то в своем городе
или может читал гарри поттера или может смотрел какое-нибудь кино с папой
а я думал о том успеет ли он
скрыться в темных дворах или выбраться на малышева к людям
я понял теперь для чего была вся эта жизнь
вся эта любовь всё это счастье все эти мучения и стихи
и весь этот бизнес и все эти офисы пьянки и встречи

для того чтобы я увидел тебя на антона валека
для того чтобы ты пришел к нам в офис
для того чтобы мы выпили кофе в шоко
чтобы набухались в гордонсе
чтобы набухались в петровом дворе джеймсе и ЖПЛе
чтобы мы прогулялись по набережной
поговорили в нигоре
погуляли по москве
чтобы ты уезжал и возвращался
чтобы ты просто был где-то в моей жизни
танцевал под старомодную музыку
играл на своих воображаемых гитарах
барабанил в свои игрушечные барабаны
приносил свои охуенные стихи
посвященные не мне
говорил глупости
смеялся надо мной
ты мне нужен всегда
ты мне нужен любой

и тут вдруг звонит наш с тобой водитель женя
звонит и сообщает приехал
это значит надо вставать надевать костюм выходить из дома
ты знаешь какой крутой наш водитель женя

вчера вечером когда я сказал тебе традиционное
я люблю тебя до свидания
и ты вышел из машины я говорю ему
«ну всё, включай грустную музыку»
а он отвечает сука «валерия меладзе?»
а потом мы едем домой и ночной город
и играет грустная музыка
и рядом нет тебя
а женья недавно проходил техосмотр
и его машине правильно настроили фары
и я спрашиваю чтобы опять же не молчать совсем-то уж
«ну что, женья, тебе лучше стало видно дорогу?»
а он говорит «здесь непонятно, это освещенная улица,
вот если бы ехать в полной темноте...»
и тогда я предложил ему закрыть глаза
и проверить лучше ли видно дорогу так
в полной темноте
и он сделал музыку тише
закурил и задумался

Лидия Чередеева

Родилась во Владивостоке. Окончила факультет русской филологии Дальневосточного гос. университета (1994), аспирантуру на кафедре русского языка Санкт-Петербургского гос. университета (2000). Живет в Санкт-Петербурге. Публикации в сборниках: «Перелом ангела» (М., 2005), «То самое электричество» (М., 2007); альманахах: «Вавилон» (9, М., 2002; 10, М., 2003), «Василиск» (2, Саратов, 2003), «Серая лошадь» (4, М., 2002; 5, Владивосток, 2006; 6, М., 2009); журналах: «Дети Ра» (2, 2004), «Интерпоэзия» (4, 2007).

ДВА СВОЙСТВА

Свойство постоянства

* * *

У моей мамы были самые любимые туфли.
Она носила их четырнадцать лет.

Мама вообще аккуратно носит обувь.
Мой муж тоже аккуратно носит обувь,
но у него всё равно с ней что-нибудь да случается —
то царапина, то какие-то удивительные пятна —
и таких рекордов он никогда ещё не ставил.

Мама бы их носила ещё лет четырнадцать,
но они из моды вышли совершенно бесповоротно.
Так что она лишь иногда достаёт их из чулана
и любуется.
Любит их сильно.

* * *

У нас дома есть ещё несколько таких предметов.
Например, маленькая стеклянная пуговица в виде медведя.
Пока мама не вышла замуж,
она пришивала её к своим платьям.

А когда я родилась,
стала пришивать к моим,
пока я в школу не пошла.
Там форма, и к ней было нельзя.
Теперь медведь лежит в коробке с пуговицами.
Иногда мы его тоже достаём и смотрим.

* * *

А некоторые из таких вещей мы вытаскиваем из чулана регулярно,
раз в году.
Это довоенные ёлочные игрушки:
мельница, ракета и воздушный шар.
У них уже амальгама вся в пятнах и проволочки не раз погнуты.
Но они не разбились до сих пор.
Дедушка с бабушкой ещё до маминого рождения их завели.
Игрушек на ёлку у нас много и всегда было много.
И бьются они часто.
А эти подозрительно долго держатся.

(Когда покупаешь набор шаров,
так и думаешь: «Интересно, сколько какой продержится...»
С виду они одинаковые,
но срок жизни разный у всех.)

* * *

Когда мне было три года,
мама ездила в Москву на стажировку.
Прислала оттуда несколько одинаковых резиновых пупсов,
югославских,
в подарок детям родных и знакомых
и мне.

Я до сих пор помню,
как стою в большой комнате,
а при мне раскрывают посылку,
и пупсов этих там штуки четыре и кукла большая одна.
Каждый был запакован в отдельный пакетик,
стянутый пластмассовым зажимчиком.

Они иногда мне снятся,
правда, количество их неизменно возрастает.
Зрелище, видимо, было потрясающее.

И к тому, который мне достался, я тогда сильно привязалась.
Из-за потрясения, наверно.
Я его так сильно любила,
что моя двоюродная сестра решила,
что её экземпляр тоже представляет необычайную ценность
(хоть и незаметную с первого взгляда),
и хоть не любила своего, но берегла.

На взгляд взрослых, они совсем не различались.
Но мы с сестрой разбирались в них безошибочно.
Потому что покусали их в разных местах.
Я своему ногу, а она — ухо.

Потом, с течением времени, и взрослые увидели, что они разные.
Я своего таскала везде и тискала и отполировала.
А сестрин остался шершавый.

А с течением ещё времени,
когда уже пора было перестать играть в куклы,
я перестала в него играть,
но разлюбить не смогла.
Я любила его ужасно сильно —
как же теперь, совсем забыть и забросить?
Пришлось и дальше любить и хранить.

Сестра своего тоже хранит, на меня глядя.
Остальные владельцы (двое или трое)
давно уже их порастеряли
и помнить забыли, что были такие игрушки.

Они были все одинаковые,
одной фабрики и одного времени изготовления и приобретения,
так что даже гороскопы на них, наверное, не различаются.
А судьбы разные у всех.

* * *

Так и подаренные розы.
То стоят неделями, то сразу вянут.
Хотя сорт с виду одинаковый у тех и у других.
И кто подарил, кажется, тоже безразлично.

* * *

Так и деревья.
Их сажают на газоне все в ряд.
А приживаются не все.

* * *

Есть же такие вещи,
законсервированные как бы сами в себе.
Не то чтобы они совсем не менялись.
И розы сохнут, и куклы замусоливаются,
и облетает амальгама.
Но всё меняется, а они остаются.
Как хрустальные туфельки у Золушки.

* * *

Или как ларёк у Зоологического музея,
что стоял там больше десяти лет,
и ничто его не брало,
ни пожар, ни потоп, ни губернаторский указ.

* * *

Да и только ли вещи?
Есть и люди,
которые сохраняются так же, как туфельки.
Например, прекрасная Нинон де Ланкло или непотопляемый Талейран.
(А можно припомнить и крайний случай - Агасфера.)

* * *

Не в том дело, что они не старятся
или что на них не действует время.
Просто время идёт, а они сохраняются в том же качестве.
То есть не время останавливается,
а судьба их останавливается в какой-то определённой точке
и долго так стоит.

* * *

Наверное, есть способы
так воздействовать на судьбу,
чтобы застыть на долгое время,
только я их не знаю,
хотя подозреваю,
что они всё-таки существуют.

* * *

Скажем,
в Эрмитаже,
неподалёку от Кутузовского коридора,
выставлена глиняная вазочка,
отличной сохранности,
времен Золотой Орды,
на которой арабским письмом написано:
«Творец этого мира
да хранит сей предмет,
где бы он ни находился».

Свойство непостоянства

* * *

Мы привыкли к тому, что всё со временем меняется.
Собственно, это кажется само собой разумеющимся.

Поэтому то, что остаётся постоянным какое-то продолжительное время, привлекает к себе внимание.

И сначала я написала «Свойство постоянства»,
потому что статика не так обычна, зато её легче описать.
Но ощущать, что всё меняется, я начала раньше,
чем думать, что всё-таки есть неизменные вещи,
и это ощущение меня всегда озадачивало.

* * *

Само по себе течение времени, как я понимаю, ничего не меняет,
просто во времени происходят события, которые меняют вещи и людей.
Точнее, эти перемены и называются событиями.

Свойство постоянства проявляется как раз в том случае, когда время идёт, а ничего не происходит.

(Вообще же то, что существует, по моему мнению, всегда тяготеет к подобной статике уже одним своим существованием, только всё в разной степени.)

Непонятно, откуда берётся тенденция к изменениям, однако она явно противоположна тенденции к постоянству. Думаю, что при отсутствии тенденции к постоянству ход времени был бы по ощущению однозначно линейен.

Однако он не таков — этому ощущению мы обязаны теорией метемпсихозы, стихам Экклезиаста и прочим общественным и личным убеждениям и переживаниям, которые склоняют нас к *вечному возвращению*, к ощущению изгибов, воронок и волн по ходу времени — в результате помех, создающихся тенденцией к постоянству для тенденции к изменениям. Если обе тенденции одинаково сильны, тогда ход времени как бы закольцован; если сильнее оказывается тенденция к переменам, то время волнуется и вьётся спиралью — но в любом случае оно не равномерно прямолинейно, как, например, пытаются убедить нас учебники истории, рисующие шкалу времени в виде прямой палочки.

* * *

Разные люди, конечно, по-разному ощущают ход времени и по-разному чувствительны к постоянству и к переменам, к статике и к динамике.

(Я не знаю, от чего это больше зависит — от характера или от воспитания. Думаю, что от того и от другого.)

Педагоги часто утверждают, что все дети любят постоянство, неизменность и повторяющиеся ритуалы, что им не наскучивает то, что кажется скучным для взрослых, что постоянство подпитывает в них ощущение безопасности, в которой они нуждаются больше, чем взрослые.

Мне же кажется,
что каждый человек по-своему стремится найти свою точку равновесия
между статикой и динамикой
и что ребенок, который просит рассказывать по многу раз одну и ту же сказку,
быстрее растёт и меняется,
а моя мама,
поставившая домашний рекорд по сохранению туфель,
всю жизнь проработала программистом,
а это, по её собственному признанию, профессия, которая меняется так,
что каждые полгода надо учиться заново.

Усилия разных людей по сохранению баланса
направлены в разные стороны.
И если не принимать это во внимание,
то можно сильно просчитаться.
Если, например, затевать какое-нибудь новое дело с человеком,
который накапливает в себе преимущественно статику,
то, скорее всего, ничего не выйдет.
Или если, например, попросить друга с динамическим уклоном
присмотреть за квартирой на время отъезда,
то по приезде обязательно окажется,
что (и это в самом лучшем случае) все цветы в горшках засохли.
Можно привести и больше примеров,
но, кажется, всё и так понятно.

* * *

А ещё люди, склонные к постоянству,
не умеют убедительно заканчивать речь.
Меня, например, муж часто критикует
за отсутствие хорошей концовки у стихотворений.

Максим Гликин

Поэт, журналист. Родился в 1969 году в Москве, окончил МИИТ. С 1996 г. член Союза писателей Москвы. Работал в «Вечерней Москве», «Общей газете», «Русском базаре» (Нью-Йорк), «Независимой газете», с 2005 г. — редактор отдела политики газеты «Ведомости». Автор трех книг публицистической прозы, стихотворных сборников «Я — метролль» и «35 времен года». Стихи опубликованы в «Юности», «Знамени», «Побережье» (США), «Арионе», рецензии и эссе — в «НГ-Ex Libris», «Диалоге», «Дружбе народов».

Поэма сквозняка

Говорят атлантика разбушевалась
 но скорее без повода разбрюзжалась
 разбежалась и напрыгивает
 на дамбы и парапеты
 голодная овчарка
 на длинной ржавой цепи
 тщась достать до нас
 до емелей
 спящих в срединных землях
 многоэтажных питомниках
 утепленных будках
 докричаться и достонать
 фыркает брызжет слюной
 бьет на жалость
 брызги на шторах, стенах
 на потолке
 шкаф оплывает на ковролин
 обстановка расплющивается
 дабы не быть преградой
 ее дыханию
 чтоб лай ее был сильнее
 взрывов петард
 внушительнее оркестра
 доходчивее выстрелов
 поверх голов

Так дует что вот-вот начнет ходить
диван — на задних — зарычит как гризли
так дует будто хочет отделить
губу от мысли
так дует что здоровье на кон
но в этой тяге погубить есть честность
а если встать шагнуть прикрыть балкон
то ты исчезнешь

Женщина сквозняка
сплетенная из трех ветров
из пыли и из песка
путем ошибок и проб
непрочно не наверняка
подует и был таков
была такова: узка
в плечах, местами суров
взгляд, не тонка рука
светящаяся у виска
прядь, выскочившая из оков
заколок (такую искал?
ты — выпорхнувшая из снов?)
глядит чуть свысока
в ярости столбняка

Сквозняк — неистовство пустоты
упразднена толчея
здесь только и можешь дышать ты
но задыхаюсь я
фантазия дикая маляра
расцвечивать черным мглу
сквозняк — подсказка: не умирай
погибнув, но дли игру
будет еще одна жизнь и еще
в легкие вдует резерв
передовая, место ничье
тело — разбуженный нерв
тело становится мнимым как ять
числом, взлетает, не спя
здесь только и можно тебя застать
не отыскав себя

Как ты здесь оказалась?
Я долго раскачивала прежде чем выпрыгнуть

Если сможешь так
раскачать лодку
так расшатать нервы
так разорвать смыслы
что стоит
расковырять царапину на столе
как сами собой
разойдутся доски на полу
разъедется трещина в доме
разлетится ущелье в горах
распахнется разлом в земной коре

Не надо под ноги упадешь
тело неловкое как падеж
звательный, смех в темноте
— попробуй идти на ты

Смех фонариком прояснит
мир без будильников и проездных
без теле-ра-привидений и проч
рептилий века уползшего прочь
без турникетов и проходных
месяц без будней и выходных
без нагоняев и очередей
в кассу, вне класса и за чертой
осатанелости, за стеной
предубеждения, к залу спиной

Свет остался только в этой женщине
— не во мне, а только в этой трещине
и не свет, а полуотражение
избранная мера отрешения
— ты не женщина, а трещина в сознании
в клеточках, клетушке, здании
цель на грани кораблекрушения
функция распада, разжижения

тварного — растворения
вен отворения

Хочешь ожить — будь мертвым
(застонали электрометла)
— ты ухватил суть?
увы перестало дуть
только коснулся дна
волной ушла темнота
побрел чертыхаться трамвай
но я еще слышу...
— lets try
из шкафа лезет скелетом
праздник
родник света
в угол отброшен, скомкан
но в пальцах
в пальцах заколка
хвост самой скользкой из тайн
— next time

Олесь Барлиг

Объявился на свет 85-го года в столице украинской степи — Запорожье. Нынче — президент запорожского литературного клуба «99». Главный редактор самиздатовского литературного альманаха «ЧАС'НИК». С украиноязычными стихами и прозой печатался во многих периодических изданиях (наиболее известные: «ШО», «Четвер», «Склянка Часу»). Один из составителей международной антологии квір-литературы «120 сторінок Содому» (Киев, издательство «Критика»). Русскоязычные стихи представлены на сайте «Полутона», веб-журналах «Новая реальность» и «Окно». В журнале «Воздух» опубликованы переводы поэзии на русский язык.

Сталкинг хронотвору¹

Рождается случайно
в разговоре,
сосиской протолкнув пюре вчерашнее,
выносит на поверхность диалог
предметный,
на книжке Деи Тененбаум топчется слегка
и прыгает в полёт свободный речи
цитируя, конечно, для примера
какой-то про контузию,
любовный пыл,

¹ «Сталкинг хронопроизведения» (укр. «Сталкінг хронотвору») – литературная группа из четырёх запорожских поэтов и прозаиков: Татьяны Скрипченко, Саны Праедгарденссон, Олесь Барлига и Юрия Ганошенко. Современная украинская литература условно и субъективно разделяется на социальную (как отдельные и самостоятельные явления это: постсоцреализм, рустикальный синдром (с ярко выраженной селянской фольклорной основой) и поколение девяностников (авторы, изображающие портрет десятилетия, акцентирующие внимание на ряде его социальных проблем или явлений с заимствованием стилистики писателей-битников)) и игровую. Последняя манифестирована станиславским феноменом и поколением двухтысячников (Богдан-Олег Горобчук, Илля Стронговский, Павло Коробчук и др.). По мнению Юрия Ганошенко, стилистика двухтысячников «мало что оставляет в основе, вся жизнь смывается будто душем. Глубоких событий вроде бы как и нет. Вся жизнь – лишь повод поиграть и высказаться». Литература «сталкинга хронопроизведения» — это проза и поэзия, в которых игра может облачаться в стилистическую форму классической литературы (во всей широте диапазона этого понятия) и, соответственно, мимикрировать под неё. Этот симбиоз и способен породить отличительные от Двухтысячничества смыслы.

«Сталкинг хронопроизведения» не претендует на уникальную для своего времени форму украинской словесности. Он лишь отделяет себя от поколения двотысячников как единой стилистической традиции.

наверно, канделябры,
стих
(и женщина глядит с обложки —
нарядная Сова,
что только из такси снята,
в дороге на рожденья День
Иа) —
вот так всё происходит,
внезапно на троих находит
хотя речуют очерёдно двое,
находит и кочует после
припиской,
только строчкой
к массе общей
что «так и так»
и мы имеем на сегодня:
«Сталкинг хронотвору»...
А объяснения никто не просит,
и интервью берут,
все нужные вопросы —
нет, не задают!
Плетут бесхитростные гнёзда
для воробьиной стаи —
бери и отводи глаза
туда,
куда глаза смотреть уже устали.
В бокале рта кочуются слова
(зубов курганы примеряют
друг на дружку
и в ушко шепчут
про себя же,
себя
как сахар,
может быть крупу,
иное что-нибудь ещё
на глаз
без чёткого расчёта
так расточительно
берут и рассыпают
и греются в лучах горячки-спора
о чём-нибудь,
что якобы ведёт литературу,
ведь у себя —
слова не видят дна
и это их такое счастье,
что вызывает ненависть

у кого-то
и ксенофобию особую,
что дворники на времени-стекле
включает —
сметают в словари слова,
где кома тянется
меж ног становится всё гладко-гладко,
как коленка —
уже не могут размножаться
и в воздухе не плавают:
< СУФФИКСЫ-СПЕРМАТОЗОИДЫ >;
< ЯЙЦЕКЛЕТКИ-КОРНИ >,
зиготы не выходят —
не получают уже,
лежат
под пылью выгорают
музейные слова),
словам вся жизнь людская отдана.
Мы на плантациях словесных служим
и нам спускают
сверху,
сбоку — тоже
учёные, шофёры, мерчендайзеры,
студенты, сталевары, старые пидовки
подобное:
«хз», «счастлица», «говносрач»,
«влиятель», «кинодел»,
и сложное,
не поэтичное совсем
(слияние основ) —
«стрессоустойчивый».
И я
хотя
не изобрёл гибрид полезный —
«Десертная рябина»,
«Церопадус»
(необходимая, я слышал,
для Северной России вещь),
а так беру —
Мичуриным стаю,
теперь имею:
«Сталкинг хронотвору».
О чём оно?
К чему такое слово —
«хронтовор»,
оно творит какое?

Что?
Зачем у дяди мексиканского
(с фамилией, что переводится —
«Каштановая роща»)
беру охотничье и волевое
«сталкинг»?
Чтоб спесь выслеживать,
чтоб тошнотворство рая
растворять
красивого руна-златистого
Серебряного века
и век ещё один —
не названный пока
(не будем же лепить к нему
сухое,
с окисью столового прибора —
«модернизм»)?
Какой-такой «павлин-мавлин»?
Какой-такой неологизм?
Какая бойкая людская единица
его бокалом смастерила?
Не названным пусть будет мой Антонич² —
потом,
наверно завтра,
придумаю ему
красивое,
змеящееся слово;
и позже
пусть потерпит Коля Винграновский³ —

² Богдан-Игорь Антонич (1909 — 1937) — украинский поэт, прозаик, переводчик и литературовед. По мнению критиков, его творчество причисляется к импрессионизму. Некоторые литературоведы находят отдельные признаки сюрреализма (ассоциативное письмо) и футуризма (мифологизация механизированного города, поэтизация урбанизма). Сам писатель выступал против каких-либо «измов», считая это напускным и лишним для творчества. При жизни изданы книги поэзий «Приветствие жизни», «Три перстня» и «Книга льва». Посмертно издан сборник «Зелёное евангелие». После вступления Западной Украины в 1939 году в УССР Антонич был запрещён в печати. Интерес к нему возникает лишь в 1960-е годы в эмиграции, а затем и в СССР. Стихи Богдана-Игоря Антонича переведены на многие языки.

³ Мыкола Винграновский (1936 — 2004) — украинский режиссер, сценарист, актёр, поэт и прозаик. Как писатель-шестидесятник (шестидесятники — поколение украинских интеллигентов, которые обращались к темам национального самосознания, выступали за обновление художественных форм в литературе) считается одним из ярчайших экспериментаторов. Автор романа «Северин Наливайко», который относят к «странной прозе» (стилистическое течение в украинской прозе 70-х годов, ставшее реакцией на диктат норм соцреализма. Среди её признаков: сплав реального и мифологического, пространственно-временные смещения, заимствование стилистики барокко, гротескные метаморфозы с героями. По художественной природе «химерная проза» близка к магическому реализму).

слова все ваши
вас
расставят по местам).
Закончился двадцатый век
и жизнь продлилась снова и куда-то дальше
идут под окнами рассвета пареньки
начитанные —
нет, не старые пеньки —
глаза горят и не боятся,
а руки — пишут,
книжки издаются,
и форумы во Львове создаются,
и пляшут в круге
антологии,
как говорят —
моё «иное поколение»
сощуривает глаз,
мой взвешивает стих
и первым среди всех
Олежка Горобчук
бесстрашно говорит:
«Да ты, я погляжу — один из нас!».
Вот тут мне посоветуют закончить этот сказ,
но ведь слова,
не я —
они бокалу всё велеть хотят
гримасы корчат
и на спор
заводят разговор
становятся то белым полусладким,
то (почему-то) портвейном
ярко-красным.
Танюша-Таня⁴,
ты коня с собой бери⁵,
картофельные головы бери,

⁴ Таня Скрипченко (1976) — украинский поэт, прозаик, член запорожского литературного клуба «99» и литературной группы «Сталкінг хронотвору». Про свои стихи говорит так: «Я уверена, что мои стихи похожи на старую кинохронику; на большие чашки, наполненные чаем; на плюшевых медведей, которые пьют этот чай, наблюдая за кинохроникой. Кинотеатр, в котором медведям показывают хронику, находится в американском городке штата Коннектикут 1973-го года».

⁵ Имеется ввиду стих Татьяны Скрипченко «Конь ест корм...»:
Конь ест корм.
Глаза его жемчужно льются в осень.
Хвост шелковист, ребрист и не расспросит.

всех-всех — бери, —
 на корабле истории
 на Ноевом ковчеге
 все-все нужны, чтобы сношаться
 и рождаться
 вновь,
 все-все слова
 (не надо резерваций-словарей!).
 Я руку протяну,
 скорей же не робей!
 И Юра приходи⁶ —
 бери свои стихи
 (про голубя⁷ —
 первостепенно),
 откинь такое — Савка⁸
 и подобное —

Бежали все, в коня врываясь,
 и сквозь него — в осенний невпопад,
 не возвращаясь.
 Конь ест.
 Коньячные ресницы валят мглу,
 Закручивая тень в тугие свитки.
 Жар стал пожаром, разветвляясь на ходу.
 Ходы расставлены, как западня, как клетка.
 Горька сирень, когда её жуёшь.
 Конь горек, если ты на нём не едешь.
 Вода шипит мне из кастрюли,
 что убийство — это ложь.
 Картофельные головы седеют.
 И это — признак времени, которое вернёшь
 Со временем, которое не-время

⁶ Юрий Ганошенко (1979) — украинский поэт, прозаик, публицист, кандидат филологических наук, член запорожского литературного клуба «99» и литературной группы «Сталкінг хронотвору».

⁷ Имеется ввиду стих Юрия Ганошенко «Нахилиться голуб до тебе у сні...», который в переводе на русском выглядит так:

Склонится во сне к тебе голубь
 прощально
 и скажет тихонько и медленно
 как в раз последний
 «Пиздец»

⁸ Мар'яна Савка — украинский поэт, детский писатель, литературовед, публицист. Автор поэтических сборников «Оголённые русла» (1995), «Рисунки на камне» (1998), «Горькая мандрагора» (2002), «Любовь и война» — в соавторстве с Марианною Кияновскою (2002), монографического исследования украинской эмиграционной прессы на территории Чехословакии и нескольких книг для детей.

метапоэзия запрятана в сервант
к пиалам с карамелью
(и (ещё немного) мёдом) —
тоскливое течение стиха
густеет пусть в каком-то девяностом
(всё это бабская словесная возня).
А вот он я,
а вот моя жена —
мы Сталкинг хронотвору.
Пусть Лорка,
если хочешь,
Сана⁹,
трепещется над нами
стягом —
я не против —
в караблепутешествии
не лишними нам будут
лавр и апельсин,
цыгане
(что нам — жалко?!),
пусть популяцию свою
множат в каютах.
Фаина¹⁰,
дорогая,
век жемчужный —
с кожных пор уже сочиться
и надо же такому приключиться —
он бликом просится на наши лица.

⁹ Сана Праедгарденссон — украинский поэт, прозаик, член запорожского литературного клуба «99» и литературной группы «Сталкінг хронотвору». Один из авторов международной квір-антологии «120 страниц Содома» (Украина, издательство «Критика», 2009г). Про свои стихи говорит, что это: «Репродукции Караваджо низкого качества, с размытым оранжевым, похожим на грязно-горчичный. Иногда случается так, что рука апостола — это на самом деле рука гадалки. А иногда выходит так, что это совсем не Караваджо, а только подделка под него».

¹⁰ Фаина Гримберг — русский поэт, прозаик, публицист.

Фаина Гримберг

Родилась в городе Акмолинск (Казахстан). Окончила филологический факультет Ташкентского университета, специалист главным образом по истории Балкан, автор нескольких популярных книг по истории России. Среди нескольких десятков романов Гримберг (опубликованы свыше 20) также немало исторических, многие печатались как мистификации, от лица различных изобретенных писательницей зарубежных авторов. Фаине Гримберг принадлежат также пьесы, статьи, переводы с английского, болгарского, греческого и др.

Фото: ©Валерий Леденев

Синеглазый турок МЕЛОДРАМА ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ

Оксане, Тоне, Майклу Уинтерботтому

Город София не существует
можно долго идти
и не прийти никуда
потому что в городе нет ничего старого
ничего древнего
ничего исторического такого важного

Совсем ничего

Только улицы

только дома

только дождевые лужи

только снег

только на улицах машины

А когда ничего нет

ничего исторического такого важного

никакой памяти

никаких воспоминаний истории,

которая Клио,

когда совсем нет ничего

Тогда можно возможно

просто дышать свободно

просто смотреть в окошко машины

просто видеть капли дождевые на стекле

Я не знаю с чего начать —
она Тоня сказала
Старший брат
сын от первого брака отца
богатырь-жидовин¹
Олег
Он поругался со своим мальчиком
со своим очередным бой-френдом
она сказала
со своим любовником
И вот убегает в Одессу
из одного маленького украинского города,
который не существует,
в котором дышит светлый слепой дождь
И вот из Одессы, которая существует,
почему-то убегает на пароме в Болгарское ханство
Там в Софии он встретил Синеглазого Турка
Это был его новый друг
И надо было вернуться уже в Ленинград
потому что приезжают насовсем в Ленинград
наугад
она Тоня, ее отец и мать
из одного маленького украинского города,
который не существует
Брат
не пришел к ним
жил в огромной старинной квартире
похожей на Страну Приливов
там всё было для всех многих
он курил много травы
он рисовал картины —
королеву Меровингов и викинга
в простом виде смутных пятен акварельной краски
Пасечника в маске и Сладкую Розу
надышался в Софии и жил в Ленинграде
И пришел человек
этот человек снова был Синеглазый Турок
Синеглазый Турок покупал картины —
Перестройка —
современное русское искусство —
продавал в частные коллекции и в галереи
было модно —

¹ Жидовин-богатырь – персонаж одной из русских былин, изданных под именем Кириши Данилова.

было жутко модно
Тоня она сказала —
в Париже и в Нью-Йорке
было жутко модно
Синеглазый Турок
презирал эти галереи
и эти коллекции
и этих художников
Он говорил, что всё это совсем не искусство!
В грязной ванне мокли желтые простыни
Брат почему-то сидел голый на краю ванны
и удерживал на правом голом колене
«Сад Финци-Контини» —
«Il giardino dei Finzi-Contini»
забытый Синеглазым Турком
Синеглазый Турок летел и читал в самолете
«Il Ponte Della Ghisolta»
Он почему-то любил итальянский неореализм
Он всё время приезжал возвращался в Ленинград
Это было давно
тысяча
 девятьсот
 восемьдесят
 девятом
 году
Ей было четырнадцать лет
Давно
 с той поры прошло двадцать лет
Сейчас ей тридцать четыре года
 а тогда...
 сначала четырнадцать, а потом восемнадцать
 в комнате брата
Синеглазый Турок
 Его звали очень сложным турецким именем
 в котором было много букафф
Она Тоня говорит
 мотались по городам и странам
 он познакомил меня с такими разными людьми
Не верите мне? —
 она спросила
И не надо! —
 сказала
Она любила причинять боль
 сама не знала, почему
Он любил, когда ему было больно
 и, наверное, знал

В самолете она
дождь идет между облаками
Самолет идет вниз
кружевные ветки снежные повисли
над машинами продолговатыми бегущими
потому что мы вместе летели в Стамбул
она Тоня говорит рассказывает
В Стамбуле его мама в очках
покрашенные рыжеватые волосы учительница
в белом давнем платье свадебном на фотографии красавица
Ночная дорога из аэропорта,
по которой после мы столько раз проедем,
встречала снегом
Тоня говорит рассказывает она
Помню развилку перед поворотом на Кадыкей,
мелкий легкий снег на асфальте в свете фонарей
Дальше — не помню
и аккуратные цветные домики Бостанджи
Кажется, всю неделю шел снег
Тоня она говорит рассказывает
В один вечер мы поехали в сторону Черного моря
колеса не хотели въезжать на холм
тогда мы спустились к Босфору
Был парк за каменной стеной и наледь у входа
И был в Канлыдже йогурт с сахарной пудрой
самый вкусный йогурт в моей жизни!
В Карфуре тоже такой
И был фонарь у дороги
Снег снег снег
Самый прекрасный снег в моей жизни!
Мы играли в снежки и смеялись
Тогда ей было двадцать три года
küçük gözlerin
çöl haramisi²
Тоня Тоня
твои милые глаза пустынные разбойники
А вот и высокий светлый дом
на апельсиновое дерево смотреть с балкона
увядшая трава
облака растрепались в ярком небе
чайки кричат над водой Мармары

² Из стихотворения современного турецкого поэта Мустафы Озтюрка.

Маленькая мутно-синяя вода
множество треугольных крыш
и черные пятнышка окошек
если с высоты
А в парке Фенербахче
Турция снится как сон
в парке Фенербахче
глядя на разноцветно-синюю
переливчатую воду морскую
и Принцессы острова

И в цветении веток деревьев
она Тоня раскачивает низкие качели

Ксюхе-Ясимин три года
Соньке-Соние только год еще
джинсы в обтяжку молодая мать
любимое кадыкейское кафе

за греческой церковью на Бахарие

Она Тоня говорит рассказывает
У меня есть любимый Старбакс
на проспекте Багдад в Стамбуле
музыка

чашка латте в дождливый январский день
весь исцарапанный деревянный пол
стулья такие тяжелые, будто из камня
ложки тихонько звенят о стаканы
Синеглазый Турок рядом со мной читает газету

Ксюха пьет молоко
детски охватив стакан
розовыми пальчиками обеих ручек
в шерстяных пушистых рукавчиках

И ничего не происходит
и это хорошо

И дождь за окном идет идет

Послушай посмотри, Тоня
яблоки и баклажаны поспевают
листья опадают
проходят дожди
дети подрастают

Турция снится как сон
Город Стамбул существует
Город Стамбул —

город воспоминаний Орхана Памука
Город Стамбул —

город моей книги «Хей, Осман!»

Я смотрю, закинув голову, на минареты Голубой мечети... Турция!.. Истанбул... Золотой
Рог... Могила Михала Гази... Просто люди – мужчины в кепках, женщины в платках, поя-

занных под подбородком... Красивые лица... Измир... Анкара... Истанбул... Где затерялись в этих краях следы моих дальних предков?... Истанбул... Турция...

Мерхаба! – Здравствуй! – Мерхаба!..

Я в Турцию хочу

А самолеты каждый день
уплывают в Истанбул

Я в Турцию хочу

А пароходы каждый день
улетают в Анкару

А я в Турцию хочу!..

Рассказывай, Тоня, говори мне, говори

Она Тоня рассказывает говорит
он разбился на авто во Франции
сел за руль пьяный и за каким-то чертом поехал в Монако!

Я схватила ножницы и резала его фотографии,
все фотографии, где был он!

Я схватила ножницы и...
больше ничего...

А вы, наверное... что я всё придумала?

Ну и можете так... Ну и пусть!..

Она Тоня сказала мне

А я ведь вот такое

О память женского тела
ты сильнее
рассудка памяти печальной
и даже и памяти сердца

Она любила запах его тела, его губы, его щеки, его руки

Она в пятнадцать лет написала смешную строку в стихотворении:

«Я пенис твой люблю!»

Она не может заснуть без его крепкой руки,
обхватившей ее бедро,

без его сильного теплого дыхания
ей в затылок, в шею

Она вернулась на север

Удаление Ленинграда в память

В Питере двор —
колодец, конечно —

с пятого этажа лететь стремглав

Не надо

В стране Гипербореев

Есть остров Петербург...

Моря Балтийского шум. Тихая поступь ветров...³

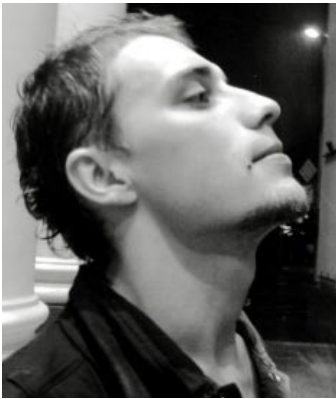
³ Из стихотворений Константина Вагинова.

Утром она просыпается
и будит своих маленьких дочек
Соньке-Соние четыре года
Ксюхе-Ясимин уже шесть лет
Она Тоня кормит их манной кашей и поит апельсиновым соком
«Где моя пожарная машина? — серьезно кричит Ксюха —
Где моя пожарная машина?»
Игрушка под кроватью
Ключи оказались в маминной сумке
Мама
ее мама
смешливая моложавая хохлушка
подхватывает большую сумку
в которой браслеты серьги и брошки
она продает бижутерию
легкие посеребренные украшения
похожие на легких посеребренных кузнечиков
кузнечиковые цикадные украшения
Утром Тоня отводит детей в детский сад
девочек своих
Ксюху и Соньку
Она совсем проснулась на холоде осеннем
разгулялась раскраснелась
Она вернулась домой
Она варит кофе
Она завтракает на кухне
Она запивает горячим кофе хлеб с маслом с сыром
Она повязывает укладывает
наклонив каштановую гривку
складчато укладывает поверх черного пальто
большой —
цветами — красными розами — на коричневом —
шалевый платок
Вдруг виден ее румянец живой чистый
и мгновенные
подкрашенные красиво ресницы
Видишь мгновенно румянец
нежный очень
и ресницы
на круглоте совсем еще молодых щек
И она выходит из темного подъезда
и она улыбается
и соседка навстречу спрашивает
почему Тоня улыбается
— Разве я улыбаюсь?
И она идет улыбаться дальше

Это ее прогулка
Питерский двор летит обычным колодцем
Серая прозрачность и морось
Серая прозрачность колыхается в дождевом позднем осеннем воздухе
И она снова приходит домой
 возвращается
 и целый день
она сидит за компьютером
 пишет какие-то рецензии
 для одного агентства печати
 покамест отец
интеллигентный седоусый лях
 включает пылесос
хлопает дверцей холодильника
 подбирает игрушки
 с этого темно-бордового ковра
И вечером поздним дети спят
Она сидит на диване в большой комнате
 Ночь спряталась в окне, занавешенном плотно
Настроение хреновое
«Жопа! — думает она, — какая жопа...»
и вот привстает и тянется к большому компу на столе
 Она гуглит «жопа»
 и хохочет, как ребенок,
 хохочет, как девочка маленькая,
 как ее синеглазая Сонька
И она Тоня лежит на диване, закинув руки за голову,
 и тихонько повторяет четыре раза
 Ариф
Ариф Ариф Ариф
 Его звали Ариф Чамуроглу
 его книга о творчестве Джорджио Бассани
 вышла в издательстве «Нефес»
И она Тоня вскакивает и хватается за эти краски акварельные
 И она Тоня рисует акварелью большие синие глаза
 только глаза
 и никакого лица
 только глаза...

(Закончено в начале февраля 2010 года).

Тимофей Дунченко

Родился в 1982 году, в городе Калинин (Тверь). Живет в Санкт-Петербурге. Публикации в журналах «Воздух», «РЕЦ». Книга стихов «Капканы дивной красоты» (М.: АРГО-РИСК, 2007).

23нк (06-09)

1. мухи спели песнь песней

ты же еще не видел не знаешь всех наших игр
как можешь ты, одетый в исподнее, радоваться вместе с нами
а кулаки то сжаты мы выдавливаем и выдавим нечто страшное что и не назвать никак
не спрятать в черепную коробку не удержать в руках
у тебя есть то что ты называешь своей жизнью шаткое неустойчивое
костыльки-богомолы разрежут глаза и покажут свои правомочия

божья коровка буренка лети на небо тащи нам все что ухватишь
будут ангелы бери ангелов будут звезды бери звезды
ей одетой в платье всегда не хватало застёжки сзади
никто не застегивал не целовал в шею
темечко распухло стало истинным цветом
лодыжки покрылись пятнами прости это тело за все
тому сидящему внутри не наестся не сделать движение наперекор
то убойная жесь распоясанная ежедневность
и навязанный обстоятельствами хардкор

*вот и спрячь меня в одном из своих карманов
чтобы только макушка торчала как цель
вот и гладь по карману нервируй память
все морщинки стерты в твоём лице*

ты же еще не видел не знаешь наших игр
как можешь ты, разутый и вытерев о порог ноги, просить о хлебе в три часа ночи

ты что же не видишь как мое страшное положило руки тебе на плечи
я же хлопну дверью ударю разобью морду
плюну вслед
не помогут проклятия не помогут упоминания меня всуе
только так и разделаться только так нарастить поверх кожи
всевозможный панцирь разламывающийся пополам от прикосновения разлетающийся на
осколки
от обычного поцелуя

лети на небо проси хлеба проси на вес проси за нас
будут давать муку бери муку слюной разбавим
ей раздетой лежащей всегда не хватало застёжки сзади
никто не выпускал стискивал целовал в шею сначала
а потом и она кончала
и подглядывающему издали казалось что мир забавен
он растягивал губы в улыбку
и поджигал себя
а она смотрела ему в глаза думала что огонь этой страсти и становилась гибкой
и уже не думала не понимала того что можно и того что уже нельзя

ты же еще не знаешь наших игр
не боишься думаешь что оно как обычно тронет
хихикнешь и двинешься дальше
сон объявлен
он ищет пространство в котором не будет его никудышной погибели
будет страшен

2. город поменял свое имя

я была в червичеве там сейчас только руины ни людей ни птиц
заброшенное местечко все что было забыто и явится - не признаешь
комната в двадцать квадратных метров в каждом углу по кучке чужих ресниц
если чья-то стопа и ступала то пыль заполнила все
все сравнивала
тебя там нет и меня не будет

а в одном углу вместо ресниц стояло пиано я тронула одну из клавиш
неловко говорить звук был некрасивый я еще подумала ну как так неподходяще ведь
ты бы разозлился сказал как ты можешь я хороню настоящее
целую его в лоб загоняю в ящик а ты этот ящик
украшиваешь разноцветными ленточками разбрасываешь конфетти
а когда все так пошло и я не могу уйти

ты бы так сказал

но меня не будет я благословила идущих на твой вокзал
надеясь что одним из них будешь ты
у тебя поезда у меня самолеты аэропорта
знаешь как в игрушках я бы хотела чтобы был портал у твоего выхода
и моего выхода
чтобы мы столкнулись не заметив и продолжили путь

я не знаю что делать смотрю как мои попутчики как еще сказать пытаются от чего-то уйти
отвлечься почитать инструкцию по безопасности вздремнуть
пососать леденцы
безопасность превыше всего но мы вместе все сразу отдадим концы
я хотела чтоб ты так не думал
меня выделил помнил не как а думал о чем-то совместном нашем о том о чем
никто не знает не знаю даже о чем

может быть о том что я сказала тебе заправь рубашку а ты ухмыльнулся они простят
ты сказал если рубашка не заправлена они сразу поймут что я в пути
что я занят мое у меня на уме и не вычислить никогда
не понять ни кто я ни где куда
это же так интересно
а им так важно наблюдать за тем кто им кажется интересным
даже если я займу их место

ты бы так и сказал

я была в червичеве тебе кажется что сон это личное только твой и ничей еще
только я твои сны прошагала насквозь следуя за тобой
тронула клавиши думала окажусь замеченной но как всегда ничего
ничего не случится и сеть до сих пор не свита
все до той поры пока я не свяжу твои сны в клубок

я проведу тебя по этому лабиринту

3. карфаген задрал юбку

то что ночь твоя произносит смущаясь теребя подол
мне не выдержать ибо как еще
город гол
он лежит под ногами опущенный в час назначенный
и придаточный мир проходит пешком под стол
чернь напугана овцы схвачены

*часовые струхнули хватились сердца
и ходят теперь прикаянные собирают разбросанные в ванной ногти
наводят за собой порядок*

ни в каком другом наряде не показываться не показывать что лодыжки оголены
что намолено место в оставленных коробах
это сплошь ситуации а не песни не лунапарк подсмотреть ненароком чужие сны
это тоже возможность оставить грядущее в дураках

климат здесь неважен бесы ходят по улицам прикрывая рожки зонтами
глянет солнце — играют мускулами
перепрыгивают с тротуара на проезжую часть и обратно
часовые забылись сном
но не снами зачата ее усталая — тремя китами
и глаза открываются как моллюски
по жемчужине в каждом

за столбом необычный лес
бьет пружинкой и тащит в свои кусты
испытываемое пляшет в ванной часовых избегает глядит на себя в зеркало
готовит его на выход
в город гол
этих мест заповедные чащи раскрывшие пасть мосты
сбитые в кучки отцы праотцы молекулы

часовые хрустят и поглядывают на экран
вглядываются прищурив глазки нервно бьют ладошками по коленям
что-то шепчут под нос себе скоро быть зиме а экран шипит
это сплошь ситуации чернь напугана Червь раскрасил кольца и их металл
греет шибче чем все то что было его твореньем

4. дверца платяного шкафчика приоткрылась

*мама мыла мир мило выглядел ей умытый
и город казался цел
не уйти
мертвецов не сберечь кремировать
уничтожить все то что было на их лице*

что там было морщины и треск стоял такой что слышно становилось даже тем
кто тут. жив. постоянно поглядывает на часы но времени не мыслит без
катышек на своем одеянии
без простора мгла сутки прочь овцы целы а волки ебут волчиц
мы играли в нарды на раздевание
целый город разделся а я в шубейке бродила по улицам пустым все дома
батареям дали горячую воду металл прогрелся и тепло не тепло а жгучее
тут и я сбросила прильнула говорю шепчу в сталь ну что
жги жги меня

молоко свернулось бесы по улицам шастают не выйти
прячу лицо в ладонях сквозь перекрестья пальцев вижу как паром исходит тело

ну и согрелась уже не страшно на улицу не выйти бесы шастают да и зачем туда
здесь тепло вода стены электричество мертвецы сожжены их теперь совсем нет
за стенкой волчица мурлычет работает телевизор

...

ну как же ты обольщающе поворачиваешь ключ в замке еще не вошел а уже в глазах
расплывается
и города нет снаружи снаружи ничего уже нет
как будто те мертвецы вдруг стали веселыми какими-то игрушечными
чего их бояться пуговицы вместо глаз пришил в пузо ткнул плюшевое пусть линяют корм для
моли
ключ вертится в замке по часовой с твоей стороны с моей против часовой
так и время путается вхолостую работает застревает на одном месте

...

мама мыла мир мило выглядел ей умытый
и город казался цел
не уйти
все прозрачное сложить суммировать
и смотреть на получившееся в конце

что там было нули нули и логика переставала предлагать единый вариант происходящего
стану ли я владычицей морскою или ходить с клюкой по земле выстукивать слушать
где будет пусто
так просторы мгла овцы целы а волки грызут пастуха он лежит в траве окровавленный
и гудящий
волки чавкают он гудит
почему-то не слышно хруста косточек его хруста
комната переливается всеми цветами бензиновой лужицы под таким углом глянешь — вода
под другим — радуга
мертвецы запираются в шкаф слышно как ключ глотают жалко одежду и жалко что и там
все они сгорят
а ключ не жалко твой гораздо важнее он до сих пор прокручивается щелкает вот сейчас
появись сбросишь подошвы серьезный весь буркнешь привет
покосишься на шкаф гудящий мертвецами хмыкнешь словно все про них знаешь как же
из пламени
вышли в пламя уйдем странного тут ничего нет а то что в нашем шкафу так пожалуйста
шкаф старый совсем не жалко жалко одежду но и это ничего голыми вышли почему бы
голыми и
не уйти
всяко цель одна

...

мама мыла мир мило выглядел ей умытый
и город казался целым
но пустым
я веду тебя по лабиринту
одному тебе
не пройти

5. замок трещал от напора изнутри

вот смотрю на эту стену и думаю от чего же отгородилось то что обитает внутри
вдоль стены протоптанная дорожка кроссовки ботинки даже тапки следы рук
искали ли они вход или просто прогуливались
бежали ли ползли ли
и следы все очень-очень свежие но стена бесконечна а я никого не вижу

однокрылая сатана состоящая из огня
из ярчайшего полымя
бегает хохоча за теткой в черном плаще
и кричит дразнит ну коснись меня запятнай меня
маркером обведу отпечаток твой на своем плече
покажу остальным

буду нести прикосновение как нечто великое и существенное
умиляться долгими зимними
хвастаться мол никто не додумался до такого вот извращения
ну коснись меня
запятнай меня
покажу местным

а у тетки болит спина она смотрит недоуменно на идиота чего это он
бегает вокруг жестикулирует останавливается гогочет
тетка вырубает логическое мышление расправляет руки падает назад плашмя
и теперь для нее земля — стена
под ногами бездна и напроочь отсутствует всякое притяжение

и они скользят сатана орет вертит черным отростком пропеллером своим адским хватается
зубами за дома за кусты за собак
тетка улыбается глаза прищурены огонек сквозь ресницы пробивается издевательский
собаки кусты дома крошатся на ее зубах

вот смотрю на эту стену и думаю из какого кирпича сделана
если разбежаться пнуть плечом хотя бы вмятина останется или как
и куда все вокруг подевались следы же вот они ступали же значит шли а куда все делись
не понимаю стена и я всему наперекор не понимаю

6. тепло уходило и ушло

*тебе разве не кажется что это не равноценно
трогать подол руками и прыгать в его кармашек
если ломиться напрямик все стены
окажутся картонными
состоящими из одревенелых
исписанных чьей-то рукой бумажек*

каждое утро мне кажется что я та умывающая твой город поливальная машина
с призраком за рулем он пытается руль схватить но пальцы постоянно проходят сквозь
и машина медленно но неумолимо сворачивает с пути и начинает крушить все
снисходительно побрызгивая сверху мол ничего зарастет
а может быть и умрете
ничего страшного

а в это время суток никого на улице нет некому вытарашить глаза вызвонить помощь
или вообразив себя героем схватиться за руль
нежно но крепко и уверенно
повернуть в сторону
и вот так я крушу ломаю
город разрушен разломан и влажен
может быть он даже умрет
ничего страшного

а вообще слишком много всего кажется а ты же сам говорил что то
для чего существует название обязательно существует в реальности
ну еще бы — тот кто все детство играл со своей бабушкой в настольное лото
обязан говорить банальности
не моргнув глазом
с чувством и расстановкой

я крушу еще одну твоего города автобусную остановку
людям тем что на нее выйдут
будет чему порадоваться
так сказать предрабочий непредумышленный визуальный оргазм
объяснительная часам их временного сдвига

собственно то что я произвожу и есть твоего пространства городская роса
есть чему похихикать

удивительно легко наблюдать как тепло уходит
как то что казалось (ха!) важным становится невозможным
я беру себя в руки и в этом личностном хороводе
вокруг сгорающего внутри жертвенного бычка
это тоже не будет тобой замечено
*приношу бычка в жертву нарекаю его монотавром
пускаю тебе навстречу*

7. yesterday was dramatic but today is ok

*а вот не надо не надо светофора убийственное свечение
день мутзил по расписанию выплясывал нечто выкидывая колнца
день был полон красок лодка пролетала через перекрестки не останавливаясь
несла младенца*

тряпочкой терлась щекой подбородок втыкала в плечо
прокручивала до кровищи
и какой-то дятел в белом саване с огненным мечом в руках
щелкал пальцами хрустел костяшками и взирал на происходящее с условным укором
хотел выглядеть очень трагично

у него б получилось если б не меч если бы музыка тише звучала
а так вывернутая до предела разрывала мозг а еще этот меч
невозможно не обращать на него внимания
и толпа в пиджачках все как один кучерявые
скалили зубы хором толкали речь
ох как производная поджигает ясли в час повсеместного братания

*а вот не надо не надо ловушки пасти раскрыли
язычки дрожат от напряжения
пешеходная трасса вытягивается в прямую и таким образом останавливает
любое было начавшееся движение*

а спеленатое расширяется копит мясо глотает кальций
лодка трещит по швам щепки в стороны лес внимает
кашка сопротивляется и не хочет глотаться
кушай детка твой дивный мускул раскроется за холмами

там где солнце печет и жарит свой прячет лучик
но его не спрячешь полоска шоссе раскаляется добела
небо жаждет взбучки на нем ни тучки
живая явь
ты же помнишь что любое сердце размером с хозяйский кулак
ну так им и правь

8. происходящее засчиталось недействительным

а я долго любила твой запах твою андрогинность пчелы твой палящий мускус
монотавры пасутся в полях нарабатывают молоко забегают за край
я смотрю как ликует твой мир настигает шагающих по стеклу
они долго среди разноцветных осколков плутали

а теперь им конец

и случайное рубит моменты а их берегли и за пазухой прятали
грели тащились от мерзкой щекотки внутри
у тепла уходящего вид умерщвленного уапити
но застывший он плачет как дерево как новогодняя елка как шар белоснежный
и отнятый от груди

а я тоже твоё молоко плоскогорная наледь в бегах от чарующих жестом
монолит монохрам моностык на измене отечеству
мое небо лежало на солнце поджарилось и облезло
мне никак не увидеть где то
от того что до и того что после — отличие

так я ноженьки свои берегла а вокруг громыхало и падало белое проявлялось неизмеримо
важное
жиденькая темнота растворялась от света уличных фонарей
сколько было гремучих поз героических глаз но никто еще не отважился
взять домой пустоту пустить на ковер пусть побегает напоить ее в плоть укутать и отогреть

а теперь ей конец

так и ты со своей андрогинностью шмеля своим повторяющимся естеством
вынудил красть чудеса замирать при возможном отхождении от привычного
а другие девки прикупивши шмоток приготовив лицо к ебле - в каблуках прыгают через
костер
и то и другое и третье у них получается на отлично

ну а мне как быть

я так долго любила твой запах что им пропахла
хожу и мерещатся мертвецы
ночь пробегает без снов ну а если приснится мне верить ли это — благая весть
мой бычок принесенный в жертву поджарился можно есть
и теперь им конец

и дались тебе эти концы

9. надо было как-то отвлечься от сиюминутного

*когда мой хуй был маленький
и жопка с кулачок
мой дед цветочек аленький*
приволок из командировки их посылали куда-то к чертям на куличики
они пробовали нахваливали мол вкусно кто пекарь
а черти хмыкали и говорили по-татарски друг другу «смотри как уплетают
а тесто то не из муки..»

ну вот в один из таких дней всех накормили спать уложили перед сном естественно в баньке попарили
чтобы косточки мяхше стали
и сожрали всех командировошных
кроме деда он заснул в сортире а когда очнулся крючок поднял вышел на свежий воздух
видит никого нет да и гостиницы тоже огромное поле посредине стоит деревянный идол
глаза навывкат
и у подножия у шеи кустик шиповника в цвету дед сорвал цветок огляделся и рванул домой
так и привез мне подарочек

а я что я ж не девица красная меж страниц положил какой-то толстой книги
в детстве все книги были толстые
ну и высушил расплющил по содержанию смысла в этом конечно никакого не было
но сейчас при взгляде на это сушеное и такое безжизненное
щемит же

а еще дед рассказывал что когда вот он из сортира вышел и в идола уткнулся у него
проскочила мысль
что он умер только некрасиво и не поэтично совсем потому цветок и сорвал
а то что мне его привез так случайно вышло надо же было что-то привезти
раз вернулся
а ничего кроме этого цветочка и не было
а торжественно вручишь вроде и на душе легче

конечно он мне этого не говорил
дед вообще молчал все время каждое утро садился на пороге на коврик в позе лотоса
и бубнил что-то про сады что растут вверх корнями так
что листва упирается в землю листики обретают ножки и разбегаются прочь
от таких чудес
и даже не оглядываются боятся их поймают

а тут бабка моя заходила в дом и постоянно била деда по его позе лотоса
ругалась страшно
а он катился колом под кровать там где тапки и сидит
только глаза торчат
и хлопают ресницами мол я в домике меня не тронь укушу заражу чем-нибудь вам же потом
денег на все лекарства не хватит

но его можно было выманить оттуда запахом еды
он выползал
и становился обыкновенным старым человеком со своими причудами не кусался совсем
и чай пил из блюдечка
а когда выходил на улицу садился на завалинку
говорил «а знаешь что, внучок
когда мой хуй был маленький
и жопка с кулачок..»

10. вскрикнула кожа

эти запахи многим казались сложнее чем стали теперь
паутина теряющая свой клей никого не поймает а мы во вчерашнем
забыли часы на тумбочке
я хватила достаточно много куда еще это премерзкое чувство запрятать
и не тешить себя и других так запугана верфь
что летят во все стороны щепки твоих кораблей
и с землею ровняются башни нисходит надежда на то
что моя амальгама устанет лечиться
от этих пиявок

что на каждую ночь без сна
удушающее пробуждение тело в пот заворачивается в одеяло
и поверхность твоя резная загибается в крючок
становится ближе к ряби на темной воде замирает на чью-то секунду
и вот — я тебя поймала

о как булькает чавкает день
о как жидкое сходится к плюсу
как проснувшейся плесенью дернуться в сторону ловится мой вишнерогий олень
но и он не выдержит твоего укуса
прогниет насквозь

я кривила земную ось
но робела от океана
кровостоки заполнены мякотью счастья
равнины дрожь вызывают
и скупое как мела скольжение все по ним по листочкам запечатленного
такого несбыточного и юного
вспыхнут чужими глазами

так кромешная тьма ослепляет не хуже света
так хромая принцесса фокусирует свои ножки
на виток бытового и каждая использованная деталь процесса
чувствует себя кем-то брошенной

то что мое животное пущенное как стрела
с постоянной целью ломает стены и при всем при этом следит за внешностью
я смотрю на него как из куколки из своей
он тарачит свои крыла
и во мне возникает нежность
во мне — слишком много направленной в его сторону
бесполезной нежности

так и будет розоветь эфир
расступаться песок прикинувшись морем
мертвецы наполняют мой мир
буде он успокоен

11. уступили место в наземном транспорте

в каждой стене есть проем
соловьи — разбойники свистят по своим кустам мелодию
и фальшивят
кузнецова дочь хоть и женщина но кует
на порог выходит подкармливает дурачка, юродивого
и вот так — пространство свое расширит

в ее руках молот как песнь партизана приспособливает бомбу в рельсы
поезд становится самолетом летит в небеса
бьет в поясницу ангела говорит ему прямо в глаза
мы ходили всем скопом ручьями оврагами и безусловно лесом
нас выглядывало зверье чувствовало что добыча слепа
но намного выше рангом
и таилось

а дорожка о скалы билась
как в такую бурю бродить по морю ведь захлестывает вал девятый
предыдущие восемь мы разгрызли по каплям на семечки
но он
углядел в нас все то, что каждый из нас в самом себе выглядывал
намотал на плакат
и впрыснул в кишки свой живой неон

и теперь мы светимся
наравне со всеми
вот такая история ты погас нас пегас катал на своей спине
без седла и мир со спины его
донельзя радовал
хохотал и каждому в глаз
запустил свое черное семя

а в стене — проем
а отец — приам
мое тело притащат и скажут бери папаша а мы на тебя посмотрим
здравый смысл ему подскажет что надо — брать
а не здравый чуть-чуть помолчит и хмыкнет
кладите его на коврик
аккуратно расправьте сейчас я сподоблюсь плакать

удержи же меня за локоть
столько здесь мелочей в этом богом пропитом месте
сколько быть мне еще кузнецовой дочерью
сколько мне еще вас курочить
как же вы не поймете что пока вы не в пламени вы меня очень
прямо невозможно бесите
а когда уже там - я сготовлю из вас оружие
пущу на пули, короче
я лягу металлом
кольцом на пальце твоей невесте

эта ревность моя накажет а зависть плюет на подушечки
пальцев
и тихонько мнет мнет мнет
вы такие вокруг игрушечки
что в каждом красивым фальцетом земля поет
своего святогора хоронит а прах его сворачивает в кулек
продает как конфеты
сует в детские ручки за денежку
щекою ластится льнет
а в глазах непрямой упрек

*тут и соловьи прячут свистки в судейский карман
и сурово глядят вытаскивают из другого карточку на скидку в 15%
кузнецова дочь лелеет свою плаценту
она очень спокойна
ей ничто не помешает
у нее есть готовый план
как не тратя усилий оказаться в самом что ни на есть
центре*

12. нежность превысила норму

*и я всем говорю — тебя ненавидеть нельзя
а тем кто сомневается рассказываю историю про человека-поплавка
вот она:*

жил-был человек-поплавок, ножки пьська в воде, тельце и рожица — над
прекрасно понимающий человек-поплавок, что его жизнь-бызнь конечна но тем не менее
ножками болтает, а сверху — улыбается
половинка мокрая и под водой, другая — греется на солнышке ветром обдувается дышит
да и берег, вот он, виден, рукой подать и уцепишься

он, как и все человеки-поплавки задумывался иногда конечно
что он тут делает, кого ловят там, под ним

и твердо был уверен что, если кто-нибудь там, под ним, поймаётся
он поверещит подергается, внимание к себе привлечет тут-то
то, что поймалось и вытасшат
а его погладят чмокнут в лобик сокровище ты наше что бы мы без тебя
он искренне в ответ: конечно ничто без меня, я ваше — всё, без меня вы сдохнете
прямо тут на травке и ляжете
хоть и солнышко светит, но жрать то вам надо
а я единственный указатель того, что что-то там поймалось, зрите

*в общем-то он был прав конечно, то, что я произнесла «был» — в корне неверно
но так — трагичней, это тоже в угоду ему, поплавку*

рассказываю дальше

ну вот он торчит жопка ножки в воде ручками потягивается глазками щурится
а пяточки-то каждое движение внизу улавливают не дай бог оно движение будет
чуткий человек-поплавок, любименький
и вдруг тыр-пыр мы не против войны мы за мир мир наше всё
что-то пятку щекотнуло
ага думает человек-поплавок что-то словилось
и ну орать головушкой мотать леску привязанную к макушке теребить ладошками по воде
шлепать
брыкаться кукарекать бровками значительно подергивать

а рыбак — заснул бывает такое с рыбаками кормить семью надо а в семье жена имеется
так она как часть семьи понимает что кормить ее надо и усердствует в своем желании
бесшуточно то есть серьезно и изо всех сил
так что рыбак не выдерживает и чтобы не понимать этого всего — спит
что и сейчас делает

а когда рыбак спит человек-поплавок работает вхолостую хоть и со смыслом
так как пятки-то щекочутся а значит поймалось что-то
причем сильно поймалось — тельце и головку тоже тащит под воду
а в головке рот и нос а ими дышат а под водой хрен подышишь
у человечка-поплавка абсолютная паника жить то хочется а рыбак — заснул
ну как тут быть
ведь что-то не абы че — сильное очень и ему тоже жить хочется а оно привыкло
не выползает на поверхность причем так привыкло что и не — выползает
ну и тянет вниз

а рыбак — спит

в общем ситуация почти безвыходная
«почти» — потому что у человека-поплавка надежда остается что рыбак таки
вопли услышит проснется дернет удочку и наступит всем лафа несусветная
и рыбаку — так как семью накормит жена подобреет и даст

и человеку-поплавку — просто потому что жив останется, счастье поболе рыбакового
и всем остальным — так как раз этим двум неплохо, двум, то и мне, третьему — плохо быть
не должно
хоть и спорно, может быть все равно пойду повешусь,
но это частности..

*вот и вся история.
потому говорю — тебя ненавидеть нельзя*

13. запланированное поражение состоялось

*батюшки говорит моя матушка никогда не умела чулки надевать
а я этого не знал*

но вместо того чтобы хотеть узнать как на самом деле все происходило
мне хочется чуть-чуть поговорить о творчестве
не творчестве как тенью быть а о том другом припадочном без оглядки на пятки
не о том что о жизни в глаза а потом на блядки
о другом

тут наверное очень много всего связанного с молодостью разума
тело может быть потрепанное совсем ну там зубы уже не те
каждый день болят и вроде привык но понимаешь что детальку эту не выкинуть
иначе всю композицию не соберешь а всегда важна композиция

и вот пока мир тебя не пропитал тут ты хошь не хошь поддавайся или
в гламурные кустики а там можно и плащик бэтмана и вообще все можно все равно
налет остается чуть тоньше чуть толще сойдет за опыт это просто проверить
когда глаза смеются а сердце совсем не смеется
это оно и есть

кроме фраз этой и ей подобных ничего не вызовет ощущения что будет оно а ты
как-то рядом
но станешь совсем не к месту

а творчество ну то что не для пяток оно выдергивает из всего
оно молит самого себя отъебись от себя — и это
единственная его пошлость
остальное инфантильность, в угоду тому общему интересу, в угоду тому — от чего
вздрагнет любое существо
в общем-то все это просчитывается и уже давно
но почему же случается не чаще

когда я был совершенным ребенком я постоянно играл во всевозможные игры
которые сам и придумывал
но почему-то не для себя а для своей сестры:
я катал ее на машине времени
а каменный век, чтобы она ощутила всю дикость того времени я ел крапиву и говорил как вкусно
попробуй мы все здесь такие
а переходы из времени во время осуществлялись так я и две мои троюродные сестры-близняшки
брали одеяло клали туда мою тогда еще четырехлетнюю родную
и тащили по полю
приговаривая ах временные волны ах жгут ах сейчас мы окажемся в четырнадцатом столетии
и все по ролям я и усы рисовал и бородку, и шпагу из проволоки делал, и даже был один раз
лучшей подругой своей сестре меня звали маша хорошее девичье имя так мне тогда казалось
а волосы были из какой-то дурацкой пакли и зачем-то у десятилетней «маши» и сиськи
выпирали
сползали правда

ну и как к этому относиться?

но живые тогда мы
не знали что мы живые
это сейчас все пиздят о том какие они
или всё вокруг
живые или мертвые
оценивают по внутренним своим критериям
тычут ах живое
ведут подбородком ах мертвое

как еще пальцы и шея держатся?
это ведь основные шапки..
все у вас необитаемые острова основные пальмы легко разламывающиеся кокосы
никаких спокойных все дожили до невроза
на грудь
положили лапки
либо в стороны ими двигают либо что-то шепчут да так
что идут за скобки

ну вот божемой
ты меня помой в ванночку окуни поддержи за ножки
я открою глаза погляжу вверх тормашками и заплачу
дивный кафель пески лабиринта копытца рожки
не сфальшивив в конце
как еще
обнулить задачу

14. зашкалило

сучка думает ей все бородатые дадут ага конечно
пусть ей сучке поперек горла встанет коромысло и не удержат ведро
будет водица расплескиваться
паршивить шлейф очевидного если видно
посмотри-ка как льда внутри чересчур
каждой девке с румянцем
клеймом по морде
успокаиваться пирожками муку просеивать через сито
червячки падут

но какое боже смотрело в зеркало и говорило - рожа а не лик
мол могу я всё — но не так уж я и велик
все что взял в щепотку и кинул за левое - отзовется
таким покоцанным
юзерпикча

*моноспикер животнospитчер
я две нитки взяла и связала случилась осень
выпал снег розовелой слякотью башмаки испортил
и на кухонной нашей войне был призрачной неугрозой
моему вовне*

что истерик моих лоскуты никогда не лягут на совместное одеяло
пусть укутались и на печке лежим подгорающие пирожки гриль-полоски щитки-ресницы
и в костры сигали и опаливали подол
кто-то дул на пламя и был безупречно гол
другие прикрывали чресла руками

ты поверь что вся комната пахнет тобой
а согласишься сходи помойся
а иначе какое море какими песками
и послушай мне нравится любить лабиринты
совсем в другой позе

можешь считать это не выдержала-сказала
пуст аэропорт пуст вокзал
бегут разговаривающие ты
в гораздо более выигрышной позиции
но и это окружающее тебя — веселится

несмотря ни на что на два семени одной башней
города так и так червичев придет в ничто
изо всех руин станет лес
и ему все равно

что мы были здесь

он видит твоих ягуаров в мешке для него вы все
под одним мешком

червячки падут это так очевидно
что даже мерзко
глина вспыхнет и то же детство исчезнет рядом
я спокойна как Червь мне нисколечко не обидно
скажем так

*происходящее выглядит
неприятно*

15. в городе была пробка

*новости больше ничьи
а хотелось опробовать пиротехнику вероятно сойти
за как минимум авантюриста
взрывы же хрупкие
получаются когда застывшие
но походить поразглядывать кончики потрогать ага малютка наша
э как тебя разнесло*

жутче встречи со своим двойником ничего быть не может
я стоял в вагоне метро
а он в соседнем — прислонившись спиной к надписи «не прислоняться»
что-то читал
конечно же совсем не похож оказался
но в первую секунду
прошибло таким холодным электричеством что я даже не понял что стало причиной
этого ужаса
когда пошла вторая — в голове глупо щелкнуло:
если я там то кто здесь
но она и закончиться не успела как меня отпустило
физически по крайней мере

*новости больше ничьи
самое сложное удержать от соблазна пальцы
ну какие взрывы подойдут к цвету твоих глаз
не знаешь
вот-вот и я тоже*

встреча в метро была давно
но вот несколько дней назад я получил смс

от одной своей подруги которую не видел очень давно
типа не ты ли был там то и там то или у меня глюки
глюки написал я в ответ и даже смайлик поставил
а сам вспомнил про метро
я конечно понимаю что она ошиблась и я тогда ошибся и вообще все время от времени
так ошибаются
ну а если нет

тогда надо найти этого придурка
и прибить чем-нибудь тяжелым
пока он не сделал того же самого
меня же не просто так шибануло током, ведь нет
чему-то ведь организм воспротивился, ведь так

*новости больше ничьи
я закапываю эту бумажную палку в снег поджигаю
и секунд двадцать после
небо будет окрашиваться в разные цвета
под звуки
хлопков*

16. бушевали фейерверки

*ага! я поймала твой прищур за реснички
дернула — вытянула три желания
первое: не хочешь быть корытом хочешь быть джакузи
второе: оторвать македонскому яйца пока он рубит свой мифический узел
и третье: плюнуть на длань
растереть и увидеть царство
тридцатое заковыристое и могучее*

нет у нас замороженной морошки остыл пирог пригубила вино приходящая невидаль
бокал разгрызло и сидит теперь злая цинично похрюкивает
ко всему цепляется ничего ей не нравится
но воспитание не позволяет возвышенно нагрубить
потому она складывает руки на груди
и подмигивает здесь три комнаты мы в одной из них есть две других
у тебя существует выбор красавица

собственно я не противлюсь я соглашаюсь сама себя
все таки праздник
в праздник не надо думать веселиться следовало бы веселее но как получается
вдруг получится веселее
на лошадке на карусели
ночь растягивается

поворотный момент
успели

паутинки замысловаты
я же за руку не брала не вела
не шептала взглядом
море прохладно в нем плавают электрические скаты
нам не кажется что мы в безопасности на плотках
и тем более они бьются о борт
но на каждом из нас есть кто-то
кто держит себя в руках

невидаль снимает джинсы лихо
потягивается
в лунном свете
праздник вполне окупается хотя проще было
отправить ангела прямо по адресу
бандеролью в рай

если в игре нет правил негласное есть:
играй
не выпытывай инструкцию у ведущего
не жди ждущих

что зеркальце скажет
и ты чудовище — всех милей
просто подыши на меня нарисуй человечка
и все ОК

а бычок то наш стукнулся в стенку
застрял рогами
выбирай или ты или я выстрижем шерсть его
сотворим папирус
сделаем себе
оригами

17. был осмыслен и наконец-то констатирован факт

здравствуй, маленькое пришибленное привидение, что расскажешь? что телеса твои невидимы? что вьешься духом отцом и сыном над мифами? так такие условия, а между тем — сверкающие множатся, остальные гнут обруч и может быть станут гимнастами. пусть же у блеклых — перепонки сведут с ума и заставят бегать по суше, и они — спринтеры.

здравствуй и ты, беспокойное мракобесие, что зашкалило в тебе — будет ярмарочным

проклятием из под таро-карты града. что ночует смешливо в тебе, так лунатик бродит по всем четырем углам — упокоится в мышиной норке. как носилась юность так и другое недалекое вырежет на поясице четыре цифры — камушки как веснушки. мурашки как ямочки на щеках.

здравствуй-здравствуй богатырь спящий. палец-хлам, палец-холм, палец-храм — и еще две штуки. всей пятернею дышит земля, семена прорастают смущенно таких мужчины бояться будут. но когда она гладит себя по груди в ней животных цвет принимает окраску других растений.

здравствуй пастырь человеческой твой *fairy invasion* неизмеримо пошл. черное молоко твое пьется легко и внезапно — что будем рады. костоломы идут на войну а приходят в унылое серое марево. там сочтут за честь умереть за куст горящий, за ослицу смотрящую понимающе им на шраменки.

здравствуй ребеночек-устрица глазки из пены куда ты глядишь куда ты песок потопчешь? следы исчезнут — минуты не пройдет, а моллюски твои ничего не забудут и долго еще ахать будут, пузырями исходить. ничего не помни. ничего не помни. мы живем одноразовой жизнью. и что смерти — помногу, не нам сосчитать — калькуляторы жизни, не смерти.

здравствуй Чарующий Червь. ночи в нашем краю коротки, дни коротки. мы лежим на краю Схемы. и у тела ее нет границ, за какую бы ни взялся. тратятся тела движения а мы — легки. невесомы. желанья — просты, отправлены в долгий путь хромосомы. и побег состоялся.

18. червическая резня бензопилой

баю баю малыш по дорожке бежит человек с орудием быта
подпрыгивает от радости машет руками он схватил орла за крыла
всего половина зарплаты и такое счастье невозможное не пропитое
в рюкзаке человека трясется бензопила

четыре тысячи четыреста шестьдесят пять рублей
четыре четыре шесть пять
гаргантюа берет пантагрюэля за шкуру рычит пойдём убивать рабле
пока наши с тобой малыши спят

человек — мужчина со всеми выпуклостями своего пола
лет эдак тридцати не больше не меньше
у него в наушниках играет море кричат атоллы
он не знает не думает как и за что его
не простят

*гаргантюа выпивает йогурт баночку не больше
долой бычков-овечек пантагрюэль кивает
отцы и дети растят овчарок на их подушках не будет кошек
паразитов растить не кавайно*

человек пусть петр приходит домой — распаковывает покупку
никогда петя не видел как упаковывают бензопилу
а она лежит как подарок среди пенопласта тянет к нему свои металлические цепи
поцелуй меня милый я не так проста я пилю древесину
но готова послужить и Злу
мигустасту я и есть есть твоя петя та

*толстячки гладят собачек смотрят animal planet
идет передача о собачках на animal planet
а на улице осень-зима-лето-ужин и сил нет
ползти до весны на карачках*

петр судорожно перебирает ключи
запереть квартиру звонок соседям
открывает усатый такой мужичок
предположим — федя

здравствуй федор говорит петя
здравствуй петр говорит федя
федя видит у пети в руках — бензопила, федя — бледнеет, кричит и все —
больше нету феде
мокрый такой мужичок усатый
окровавленно-полосатый

*гаргантюа заправляет постель, и говорит ему пантагрюэль
милый тебе не кажется это грех — спать с отцом
не кажется ли тебе папа , что мы совсем охуели
гаргантюа плюет ему в лицо*

петр вырезал всю семью федора
забежал к ним на кухню поужинал плотно
написал на цветастых обоях дурацкие фразы
мол вот там за углом продается счастье

всего за четыре тысячи четыреста шестьдесят пять рублей
четыре четыре шесть пять
мол он понял зачем он живет на земле
чтобы все разломать уничтожить затем собрать

*мой панург смеется идите в жопу вы оба — черви
я люблю панурга он такой забавный*

*все остальные мишени, а он — никогда не будет мишенью
тем он мне и мил, потому я с ним и делюсь — печеньем*

*петр сворачивает бензопилу в кулек
одевает шубу надевает красную с помпончиком шапку идет на шар
и летит в трубу он сделает свой виток
принесет подарок
детишки — завизжат*

19. чудеса разрушили сетчатку

*чудеса порвали сетчатку
стравили серебряное с оловянным
то что из глаза вытечет примем за имбирь за моток веревки
из нашей ямы путь один
в высоту*

*так какие молочные океаны кисельные пляжи расплавленные заготовки
ножевые ранения направленные издевки
типа типа цу
мы берем из человека делаем пыльцу*

*ты ж чего ты ж кормящая пать
перед тобою бессильны любые проявления грязи
воронье кружит по-парадному
и кривые кресты и кривые кресты
ни один попавшийся на глаза не окажется бесполезным*

*не станет думать мертвец
никак не дернет конечностью не войдет в антураж бессмысленного
самозабвенного*

молоко булькает и поет:

*ты так долго сидел
ты так долго сидел
что и копчик поседел*

*шестивия не было тени висели в воздухе
вот смотри говорит вот магия чисел
двадцать три тоненьких ломтика
четыре тысячи четыреста шестьдесят пять ровненьких*

*так какие по полюшку по широкому
среди шума его говорить шепотом глупо*

типа типа цу
мы берем из человека делаем пыльцу
делаем снимок крупный

ой травить травить
травить нещадно к ногтю всех чепчики бросавших
тут и дурно делается и голова опухнет качнется безглазым шаром
а на Ловца и Зверь бежит если увернуться
смешно протаранит стену

а шапки истлевшие мы соберем в коробок положим все до той поры
пока не станут жуком майским куколкой стоящего на ногах
и тогда во всех уголках
вспыхнет по огоньку и в таком блаженстве
можно жить

а если кто в море пойдет
тому и шасси навывкат и радио в добрый путь
типа типа цу
бьем его по лицу

20. птенцы отказались от предложенных им червей

*настоящему городу спать не предложено словно в тебе ослепло чувство седьмое
все ищет выход — идет навывлет, а там в воздушном пространстве почти отдыхает
полирует ресницы ломается но лицо рукавом умоеет
и погнали*

ты себе хоть раз представлял какая я буду в старости ну там морщинки
они же сейчас обозначаются а со стороны виднее какие будут
впрочем у тебя на все про все ограниченный срок
и какая я там буду в старости ты не увидишь а прогнозировать не будешь
ты ж не любишь внимания к кому-то другому кроме тебя самого

ну а мне что — в зеркало ткнуться и гладить его рукою
никому другому а мне чтоб видно было что хочется то что я представляю себе
без зеркала
то что вижу *на-то-что-смотрят* приходится же показываться
не проторчишь же под замком вечно выйдешь покажешь цвет для оценки
для того чтобы кто-нибудь оглядел подумал я бы ее поимел
или поцеловал
и ах уголок губы приподнимешь
и день совсем не потерял

а собственно для кого стараюсь «собственно»
ты им пользуешься всякий раз когда пытаешься выглядеть серьезным
всепонимающе устало словно ты очень умный мол мне бы твои заботы
у меня пиршество цветение важные предпосылки
а ты мол дура перед зеркалом телеса разглядываешь вот-вот

так у нас просто разные зеркала

город гол для своих
для чужих просто так не разденется
кокетливо вырубит все электричество и в любое время суток
избегает прикосновения

дохленькие бегают вытянув ручки вперед рычат чево-то
пахнут не очень
а заглянуть в глаза каждому и спросить – у тебя-то какая жажда
ничего не ответят побегут дальше
ну привет и им между строчек

и садятся голуби на подоконник тупые было б на что садиться
вряд ли дикие просто сбежавшие из кормушки
я в квартире своей я дома для них же дом где кладут больше корма
наестся бы задремать
думала что выведу тебя из этой ловушки
угодила в нее сама

21. морошка созрела а мушка попала в глаз

хламида монада из самого ада
выползла не тая ни на кого зла
рванула тряпье на груди показала лихо
все глянули рты раскрыли
и стало тихо

эта история про человечков
прячущих Монтажный Корень среди сушеных корок хлеба на печке
он как самая сокровенная тайна
был не пойман никем
ни ловцом ни отцом относящийся ко всему нейтрально

а человечки — пьяненькие зрители междоусобиц
чокнулись хрусталем
крякнули и
приспособились

а Монтажный Корень ничей лежит в пазле
провоцирует — не найти и стать злей
весь тот хлебушек скушен запит молоком бычка
и невинно переваривается ни задоринки ни сучка

эта история про человечков
капающих слюной на крылечко от того что на пальце колечко
а в груди до сих пор сердечко
и больная печень — над бедром

молодуха вышла из хаты потопала к речке а тут порхатый летит перечит
он ее за макушку о порог калечит
не будет вылечена зачем таких лечить вот и не лечат
отправляют прямиком в дурдом

а Монтажный Корень как многослойная загадка
лежит прикинувшись жалким гадким
и поглядывает из под прищура как еще они поизмываются
когда ходят — шатаясь, а в руки берут — все из рук валится

это история про человечков
пол свой не подмели в карманах моль показатель того что они на мели
а кушать - хочется
но не зря их близнецы-сусанины в лес завели одного прибили другой вернулся
старухе своей рассказал похихикали дружно
а потом она ведьма поведала всей улице что брат ее мужа — мудака
сам муж не мудака он просто муж и дурак
а тому второму пятки поджечь и пустить по бензиновым лужам
пусть работает по селу электричеством
и светится не внутри снаружи — величественно

а Монтажный Корень номинированный на нобеля
проклянет математику купит опеля
и пойдет по сусекам нажитое разбазаривать
романтично выглядит его смерть его зарево

он умрет счастливым — фишка не раскрыта
старикам — бутылки со спиртом, старухам — наполненные блевотой треснутые корыта
это история про человечков поглядывающих на людей
они думают те нигде, но и сами они — нигде

а Корень Монтажный пьет водицу из следа своего копыта
смотрит на мир сердито травится затхлой водицей
история про человечков умудряющихся сердиться
на то что сына забрали в армию как на войну а дочь изнасилована и убита
а родители медленно самоубьются
от того как они живут

где в подъездах курило тусовалось насилие юное неразборчивое
где оно языками трещало мужское последнее и коверкало отчество
где провинция заявляла в суде о себе официально
что мол принцы целующие наших принцесс забирались и в королевские спальни

что мол окошечко радуги и не нашенские лепреконы с сундучком
сотворяли дожди из зелени, а нам — выходило бочком
что мол катышки наших свитеров
на асфальт скатились к нему прилипли а дороги — кривы

колосится рожь и не будет другой травы
кроме этой - торчащей из каждого камня державы
когда каждый алкаш поддорожный хихикает че я ниче привык
а взгляд его - чересчур лукавый

и коверкая свой родной золотой язык
все отчаянно понимают
что проблема в том что все они — правы

а Корень Монтажный вымышленный юродивый от того
идет на работу работою пусть завод
по производству счастья как капелек от безлюдья
мол то что случилось не с нами — и мы полюбим
мол то от чего их бросает в дрожь
ни один из нас не уйдешь
и ровно стравливая оба свои запястья
вышибает искру между ними
называет — счастьем

22. несмотря на тошноту птенцы заглотили Червя

*а я буду твоя поднебесная синь
звонок слишком тих — но ты проснись
и когда колокола забьются я порвусь как целлофановая пленка
я ношу в своем чреве тебя — своего ребенка*

и с тех пор я прячу ножи от самой себя
когда принимаю душ — выключаю горячую воду
этой зиме умолкнуть и сердцем своим скрипя
я учу свои пальцы предсказывать погоду

дольше тревожного длятся крысиные бега
у тебя — распростерлось бескрайнее море
а мне — обезвоженные луга
словно горькое горе и я — не на той горе

запаршивлю перья и стану финалом игре
и у нашего бычка недостойного
проклевываются рога

*он ими ведет свой путь
ему некогда жить не свойственно — отдыхать
как пройти шажками сквозь эту муть
когда тело умершее никто не придет опознать
тут не для рамочек не для сознательного
мракобесья*

паутиной творить фату ночью спать днем грезить
пощадил и радостно проиграл
а жизнь ограничена как trial
и не будет другого места
где бы мы расположенные друг к другу
могли выдержать эту словами поддерживаемую муку
пиршество в разгаре танцевать подряд
раз-два-три по кругу
и они меня — не простят

ах каких мертвецов в шкафчике
на свет вытащили раскулачили справили поминки по лицу
мать говорит отцу
а теперь вот попробуй только заплачь

мор стреножит напасть бьет кулаком по наполненному водой
дико гордые своей бедой
ударяются в пляс и кружа голову
бегают не понимающие ничего по воде голые

ах каких мертвецов в шкафчике
обманули напоили подначили
теперь как сучка жеманная как вепрь женского полу
под музыку снять трусики опоясаться кожаным ореолом
все таки видеть что он плачет

ах какие колокола звенят на мобильных в маршрутке
выдаст сдачу на маленьком промежутке
между тем светофором и той пешеходной дорожкой
я сижу и играю в руке морошкой

дай мне сил и ягоды замолчат
как волчица сожравшая собственных волчат
и они до того сушеные что можно ими трясти
не простят, а ты — прости

что я уничтожив свое начало — присоединилась
я же море видела твое упала в лодку
пыталась грести но тебя как дитя изрекла
случайно тебе приснилась

случилась и вот — сложилась
лабиринтом сотканным из стекла

23. через битвы

через битвы и битвы и крытые плохо крыши
я хотел бы тебя услышать
я хотел бы звенеть с тобой

растворенные распадающиеся на части
сбитые в миг запястья
сонной думая головой

через все лабиринты к последней цели
изменившиеся в лице

мы лежим и зреем а Червь алеет
горизонт искривляет на солнце тлеет

вся земля укладывается в прицел

*и трещит стреляя в широкий край
отвернулись и оступились
если не хочешь играть не играй
кто захочет тот вылезет*